

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 2.

ОБРАЗЕЦЪ ТАРТЮФА.

КОМЕДИЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

К. ГУЦКОВА, ПЕРЕВОДЪ В. С. ПЕНЬКОВА.

Das Urbild des Tartuffe

streu einstudiert — Semmelan, den 21. Septem
ber 1868. — D. M. Alexander Theater

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЛЮДОВИКЪ XIV, Король Франціи.

ЛИОННЪ, министръ.

ДЕЛАРИВЪ, камергеръ.

ЛАМУАНЬОНЪ, президентъ.

ЛЕФЕВРЪ, парламентскій совѣтникъ.

ДЮБУА, лейбъ-медикъ.

ШАПЕЛЬ, академикъ.

МОЛЬЕРЪ, актеръ-писатель

АРМАНДА } актрисы.

МАДЕЛЕНА }

МАТЬЕ, парижскій мѣщанинъ.

ЖЕРМЕНЬ, слуга Шапеля.

ЛУНЗОНЪ, служанка Арманды.

Камеръ-лакей.

Слуга министра.

Офицеръ.

Два комисара.

Театральный слуга.

Депутаты.

Народъ и публика за сценой.

W. Vansteern
Schwarz
Ficktenberg
Maass
Landsberg
Gerstel
Brenning
K. Ernst
Dornig
Maass
Lammann
Lamm
Lohman

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ, въ 1667 году.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦЪ.

Людовикъ XIV. Почти еще юноша, граціозный, непринужденный, благосклонный, остроумный.

Лионнь. Снисходительнъ во второмъ актѣ; позже робокъ и изворотливъ.

Деларивъ. Шаркунъ; улыбающееся равнодушіе.

Ламуаньонъ. Тартюфъ, какъ обыкновенно его представляютъ на сценѣ.

Левевръ. Молодой гуляка, всегда веселый и непринужденный. Его конекъ — юриспруденція; гдѣ до нея коснется, тамъ Левевръ дѣлается ограниченнымъ.

Дюбуа. Сангвиникъ, не смотря на достаточную полноту.

Шапель. Сухая, страдательная комическая роль; длинный, неповоротливый, восклицательный знакъ. Не безъ ума, но занять ученостью своею и дарованіями — до глупости.

Мольеръ. Холерикъ, какъ всѣ артисты, которые свои изобретенія сами же и защищать должны.

Арманда. Добрая дѣвушка, но кокетка.

Маделена. Субретка старой комедіи.

Матье. Живой, какъ ртуть.

Жермень. Управляющій своего господина.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната у Шапеля.

I.

ЖЕРМЕНЬ, ЛЕФЕВРЬ.

ЛЕФЕВРЬ. Здравствуй, Жермень! дома ли Шапель?

ЖЕРМЕНЬ. Нѣтъ, сударь, онъ давно ушелъ со двора. Не угодно ли вамъ видѣть барыню? она дома и завтракъ подаеъ.

ЛЕФЕВРЬ. Хорошо. — Я пришелъ сказать Шапелю новость, чрезвычайно пріятную. Онъ не въ Академіи ли?

ЖЕРМЕНЬ. Въ Академіи, сударь, теперь каникулы. Онъ пошелъ въ палероаль.

ЛЕФЕВРЬ. Значитъ въ театръ, на пробу своей трагедіи. Какъ, бишь, ее зовутъ?

ЖЕРМЕНЬ. «Навуходоносоръ.»

ЛЕФЕВРЬ. Странное названіе для трагедіи! Однако жъ — скоро часъ. Не думаю, чтобъ его піеса была растянута.

ЖЕРМЕНЬ. Да, безъ васъ, сударь, г. Шапель повозился бы съ нею.

ЛЕФЕВРЬ. Да, я спасъ Навуходоносору жизнь. Мольеръ ни какъ не хотѣлъ его брать. Онъ, кажется, боялся, что главный герой не согласится, въ пятомъ дѣйствіи, ползати по сценѣ и ѣсти траву; а я доказывалъ, что Мольеръ не вправѣ не принять піесы академिका и подалъ жалобу на дерзкаго откупщика нашей сцены. Отъ закона я — ни на шагъ, юристъ душой и тѣломъ. И добился же я, что судъ принудилъ Мольера, по-крайней-мѣрѣ, къ пробному чтенію трагедіи, при дѣломъ комитетѣ актеровъ. Такъ, стало-быть, оно сегодня назначено?

ЖЕРМЕНЬ. Вотъ, кажется, и самъ г. Шапель.

II.

Прежніе, ШАПЕЛЬ.

ЛЕФЕВРЪ. А! любезный Шапель, здравствуй!

ШАПЕЛЬ. (*Входитъ въ задумчивости и что-то считаетъ по пальцамъ*).

ЖКРМЕНЬ. Г. Шапель, должно быть, складываетъ стихи (*всторону*). Онъ такъ скупъ, что и въ стихахъ у него не бываетъ лишку, а все недочетъ (*уходитъ*).

ШАПЕЛЬ (*осматриваясь*). Кто тутъ? Ахъ, это ты, любезный другъ, я тебя не замѣтилъ.

ЛЕФЕВРЪ. Ты, кажется, нарядъ въ міръ поэтическихъ видѣній?..

ШАПЕЛЬ. А гдѣ жена? Спасибо тебѣ, Лефевръ: я прямо съ пробы моей трагедіи.

ЛЕФЕВРЪ. Ну, что? чѣмъ кончилось?

ШАПЕЛЬ. По видимому — блестятельно — т. е. я сужу, со всею скромностію, по отзывамъ актеровъ и по впечатлѣнію, произведенному піесой.

ЛЕФЕВРЪ. Поздравляю, поздравляю! А я скажу тебѣ еще новость, гдѣ ты обязанъ больше счастію, чѣмъ рѣдкой своей скромности и моимъ свѣдѣніямъ въ законахъ: опасней на счетъ содержанія твоей піесы — нѣтъ никакихъ.

ШАПЕЛЬ. Какъ, ты былъ...

ЛЕФЕВРЪ. У королевскаго духовника. Онъ сказалъ, что съ ихъ стороны не попрепятствуютъ представленію піесы; но опасно возбудить неудовольствіе нѣкоторыхъ лицемѣровъ, которые рады ко всему придратъ и цзъ мухи дѣлаютъ слона. При этомъ онъ назвалъ мнѣ человѣка, чей отзывъ легко бы могъ повредить Навуходносору.

ШАПЕЛЬ. Вѣрно — Ламуаньона.

ЛЕФЕВРЪ. Ты угадалъ. Я къ нему: выпытываю, прислушиваюсь, намекаю на то, на сѣ; наконецъ добился до того, что глава филантропическихъ заведеній, страшный преслѣдователь всѣхъ грѣшниковъ и грѣшницъ, не только какъ нельзя лучше отозвался о твоей піесѣ, но хотѣлъ даже самъ сюда придти — поздравить тебя съ будущимъ успѣхомъ. не забудь однакожъ, что онъ мѣтитъ на первое порожнее кресло въ Академіи.

ШАПЕЛЬ. Ламуаньонъ пріѣдетъ ко мнѣ? Богачъ, вельможа Ламуаньонъ?.. Мой голосъ за него навѣрное! — Какъ это все чудесно устроилось! Надѣюсь, что Мольеру теперь уже не придется быть за-

ководителем вкуса. Сегодня, во всю пробу, онъ ни полслова. Видно было, что пьеса его поразила. Прочіе актеры спокойно читали свои роли. Да, это была торжественная минута.

ЛЕФЕВРЪ. А комитетъ какого мнѣнія? можетъ ли пьеса идти, или нѣтъ?

ШАПЕЛЬ. Комитетъ хотѣлъ рѣшить это тутъ же, послѣ пробы; но Мольеръ видно боялся, что впечатлѣніе еще слишкомъ свѣжо, слишкомъ выгодно и отложилъ приговоръ на нѣсколько часовъ. Мнѣ его скоро принесутъ, но все равно, побѣда наша! Идемъ завтракать.

III.

ЖЕРМЕНЬ. *(Быстро входитъ съ письмомъ).*

Превіе.

ЖЕРМЕНЬ. Къ вамъ письмо, г. Шпель. Его принесъ тотъ же, что приходилъ наемни, изъ театра, съ отказомъ на счетъ —

ЛЕФЕВРЪ. Хорошо!

(Шпель читаетъ).

ЛЕФЕВРЪ. Во всякомъ случаѣ, тебѣ отдадутъ справедливость. Законы не игрушка.

ШАПЕЛЬ. *(Шатается и падаетъ въ кресло).*

ЛЕФЕВРЪ *(поднимаетъ письмо и даетъ Жерменю знакъ выйти).* Что такое случилось?

ЖЕРМЕНЬ. Ужъ не семейныя ли тайны? *(уходитъ).*

ЛЕФЕВРЪ *(читаетъ).* Постановленіе комитета королевскихъ актеровъ о трагедіи «Навуходоносоръ», сочиненной г. Шпельемъ, членомъ французской Академіи.

«Комитетъ королевскихъ актеровъ, имѣя въ виду, что сочиненіе г. Шпелья, хотя и написано по новымъ правиламъ, которыя авторъ, кажется, *(кажется подчеркнуто)* хотѣлъ ввести, но лишено оригинальности, прелести и занимательности, и что постановка на сцену этой пьесы, неудачной, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ, не доставя публикѣ удовольствія, вовлечетъ театръ въ значительные убытки, единогласно опредѣлилъ: трагедію «Навуходоносоръ» къ представленію не принимать. Подписано: комитетъ королевскихъ актеровъ для испытанія драматическихъ сочиненій. Секре-

тарь Логранжъ » Не тотъ ли это Логранжъ , что одинъ какой-то твой стихъ нашелъ слишкомъ длиннымъ?

Шапель. (Не отвѣчаетъ).

Лефевръ Сколько дѣйствующихъ лицъ въ Навуходоносоръ?

Шапель. (Не отвѣчаетъ).

Лефевръ. Не думалъ я, чтобъ пиесу твою постигъ такой трагическій конецъ .. Да чтожь ты молчишь?

Шапель. О! я отозвучу! я выведу этихъ актеровъ на свѣжую воду, уничтожу Мольера, донесу Академіи на цинѣшную драматическую литературу!.. Не приняли!..

Лефевръ. Самая лучшая мѣсть — написать болѣе удачную трагедію.

Шапель. Удачную!.. Да эти гистріоны не пропустили бы Софокла, если бь онъ ихъ какъ-нибудь задѣлъ...

Лефевръ. Вѣдь ты, безспорно, даровитѣе Мольера.

Шапель. Что толку?

Лефевръ. И остроумиѣе.

Шапель. Да толку-то что?

Лефевръ. У тебя и силы выраженія больше.

Шапель. Въ томъ-то и бѣда!

Лефевръ. Такъ ты и побѣди Мольера на его же полѣ. Эхъ, вы, господа академики! Я, вѣдь, простой нотаріусъ, юристъ. Ваши заслуги велики, я это знаю, да не умѣете вы изъ нихъ выгоды извлекать, какой требуютъ обстоятельства! Спеца должна примирять жизнь съ некуствомъ, а искусство съ жизнью. Давайте намъ людей не прошлыхъ столѣтій, но современныхъ; не ассирійцъ и вавилонянь, а изъ окружающаго насъ быта. Нашиши-ка, Шапель, о — о чемъ бы — о...

Шапель. О юристахъ?..

Лефевръ. Это слишкомъ щекотливо. Возьми какой-нибудь современиый порокъ — или глупость, напримѣръ — спѣсъ ученаго?

Шапель. И это очень щекотливо.

Лефевръ. Или скушность.

Шапель. Объ этомъ писалъ Мольеръ.

Лефевръ. Правда; о хвастовствѣ то же, о ревности то же. Знаешь что? Если бь — (въ полголоса) представить — хаижу?..

Шапель. Хаижу?

Лефевръ. Да; человѣка, по наружности—образецъ смиренія, а на-самомъ-дѣлѣ — плута; пройдоху, который втвращается въ семейства,

безпрестанно обращаетъ взоръ къ небу, а разсмотрѣтъ его поближе, такъ онъ лицемѣръ.

ШАПЕЛЬ. Предметъ хорошъ.

ЛЕФЕВРЪ. Піеса должна быть основана на пиптригѣ.

ШАПЕЛЬ. Конечно, конечно.

ЛЕФЕВРЪ. Надо вывести различные характеры.

ШАПЕЛЬ. Такъ, такъ...

ЛЕФЕВРЪ. Въ цѣломъ — піеса должна быть вѣрнымъ зеркаломъ современной жизни, заставить зрителей забыть, что она въ театрѣ...

ШАПЕЛЬ. Превосходно...

ЛЕФЕВРЪ. Я знаю — ты съумѣешь ее написать; у тебя и даръ, и наблюдательность; людей ты знаешь, — такъ картиной правды назови ее, — положимъ, «Лицемѣръ,» ты надѣлаешь шуму.

ШАПЕЛЬ. Легко можетъ быть.

ЛЕФЕВРЪ. Сюжетъ этотъ, вдругъ, пришелъ мнѣ на умъ. Не думай, Шапель, чтобъ у меня были какія-нибудь притязанія на...

ШАПЕЛЬ. Сдѣлай милость, Лефевръ, ты остроумнѣйшій человекъ во всемъ Парижѣ. У тебя бездна идей и сюжетовъ. Я говорю, что люди, практически знакомые съ жизнью, для поэта — сущій кладъ: они пробуждаютъ въ насъ уснувшія силы. Я все твержу: дайте мнѣ друга-сотрудника и я изумлю свой вѣкъ! не хочешь ли пойти къ женѣ? Мы позавтракаемъ вмѣстѣ. Тамъ поговоримъ еще о нашемъ сюжетѣ; за стаканомъ вина воображеніе какъ-то игривѣе. Но, пока, не говори женѣ о несчастіи моего Навуходоносора; если жъ она о томъ догадается, начнетъ плакать, такъ постарайся утѣшить ее; слышишь? (Ступай же *(проводжаетъ его до дверей)*).

ЛЕФЕВРЪ. Хорошо! самъ-то не забудь прійти!

(Уходитъ).

IV.

ШАПЕЛЬ (одинъ) потомъ МАТЬЕ и МАДЕЛЕНА.

ШАПЕЛЬ. О! я отомщу Мольеру піесой въ его же родѣ! Слышишь ли ты, Мольеръ, слышишь ли? *(стучать)*. Кто тамъ? Ужъ не президентъ ли?

МАТЬЕ *(просовываетъ голову въ дверь)*. Никого, кажется, вѣтъ? Ахъ! *(входитъ)* г. Шапель. Иди сюда, будущая артистка! Вотъ святилище великаго человека.

МАДЕЛЕНА. (*Входитъ*).

МАТЬЕ. Г. Шапель, вы, вѣрно, не забыли вашего земляка, москотельщика Матье, въ улицѣ Пѣтуха, въ нижнемъ этажѣ...

ШАПЕЛЬ. Что вамъ угодно, г. Матье?..

МАТЬЕ. Окажите мнѣ милость, въ которой иногда нуждаются даже знаменитѣйшіе поэты, т. е. выслушайте меня... Маделена, походи поближе.

ШАПЕЛЬ. А этой дѣвушкѣ что нужно?

МАТЬЕ. Маделена, почтительно приближься къ этому великому мужу! Видишь ли, взгляни! это называется — поэтъ.

МАДЕЛЕНА. (*Присѣдаетъ*).

ШАПЕЛЬ. Г. Матье, вы чѣмъ богаче становитесь, тѣмъ забавнѣе. Чему обязанъ я вашимъ посѣщеніемъ? (*Всторону*). Драматическій поэтъ всячески долженъ стараться о популярности.

МАТЬЕ (*къ Маделенѣ*). Говори смѣло! какъ зовутъ тебя?

МАДЕЛЕНА. Маделена Бежаръ, изъ Шалона на Саонѣ.

ШАПЕЛЬ. А! вы наша землячка.

МАТЬЕ. Да, г. Шапель, Шалонъ можетъ гордиться тѣмъ, что всё мы трое родились въ его стѣнахъ.

МАДЕЛЕНА. Около Шалона нѣтъ никакихъ стѣнъ.

МАТЬЕ. Это такъ говорится. Вотъ поучись, такъ и узнаешь, что это риторическая фигура, такъ называемый — плеоназмъ. Не такъ ли, г. Шапель? О! я бываю на всѣхъ засѣданіяхъ Академіи; я знаю въ нихъ толкъ.

ШАПЕЛЬ. Кажется, и пріятное ваше посѣщеніе будетъ не короче академическаго засѣданія. Нельзя ли покороче?

МАТЬЕ. Вотъ въ чемъ дѣло! Маделена Бежаръ — бѣдная сирота. Одна моя родственница взяла ее къ себѣ на воспитаніе, но не имѣла средствъ обезпечить ее послѣ своей смерти. Она умерла.

ШАПЕЛЬ (*сердито*). Кто умерла?

МАТЬЕ. Родственница.

ШАПЕЛЬ. Чья родственница? Дитя мое, не можете ли вы взять на себя роль г. Матье?

МАТЬЕ. Роль, г. Шапель! Вотъ мы и попали на слѣдъ. Да, да, роль! Маделена поступила въ мою опеку. Я открылъ въ этой малюткѣ замѣчательный талантъ — талантъ!..

ШАПЕЛЬ (*нетерпливо*). Къ чему?

МАТЬЕ. У ней пріятный голосъ — органъ.

ШАПЕЛЬ. Я ни кого не знаю въ оперѣ — очень сожалью, г. Матье — но меня ждетъ завтракъ — жена — пріятель...

МАТЬЕ. Вы не так насъ поняли, г. Шапель. Мы, любители театра, не пропускаемъ ни одной пьесы великаго Мольера, ни одной, — а у моей воспитанницы открылся прекрасный талантъ къ декламациѣ, такъ я и назначилъ ее для сцены.

ШАПЕЛЬ. Очень радъ; ступайте къ вашему великому Мольеру. Чего жъ вы отъ *меня* хотите!

МАТЬЕ. Вы—академикъ, г. Шапель! вы членъ института, постигли все тайны языка. Окажите милость вашему земляку, дайте этой дѣвочкѣ роль въ нашемъ Навуходносорѣ.

ШАПЕЛЬ (*гильвно*). Отвяжитесь отъ меня съ Навуходносоромъ!

МАТЬЕ. Маделена ужъ опредѣлена въ придворную труппу, но, знаете, она новичекъ.

ШАПЕЛЬ. Опредѣлена? къ Мольеру? такъ у него и просите себѣ роли.

МАТЬЕ. Ей дали одну роль на пробу, г. Шапель, но я говорю Маделенѣ: пойдемъ къ великому Шапелю: онъ тебѣ разъяснитъ эту роль, раскроетъ передъ тобою ея красоты.

ШАПЕЛЬ. Чтобъ я сталъ учить Мольеровскимъ ролямъ?..

МАТЬЕ. Сперва одну роль, только одну! конечно изъ новой пьесы Мольера.

ШАПЕЛЬ. Опять новая Мольерова пьеса? Вѣрно серьезная драма?

МАТЬЕ. Нѣтъ — очень забавная! — Маделена, эта робкая дѣвочка, была ужъ на пробѣ — что въ ней представлено?

МАДЕЛЕНА. Человѣкъ, по виду само смиреніе, а на самомъ дѣлѣ плутъ.

ШАПЕЛЬ. Что такое?

МАДЕЛЕНА. Пройдоха, который втпрается въ семейства, безпрестанно обращаетъ взоръ къ небу, а разсмотрѣть его поближе, такъ онъ лицемѣръ.

ШАПЕЛЬ. Да это — да...

МАТЬЕ. Говори яснѣе.

МАДЕЛЕНА. Интрига самая занимательная; — рѣзкіе характеры; — вся пьеса — вѣрное зеркало современной жизни; можно забыть, что видимъ это въ театрѣ.

ШАПЕЛЬ (*падаетъ въ кресло*). Проклятіе!..

МАТЬЕ. Что съ вами?

ШАПЕЛЬ. Ахъ, я умираю!

МАТЬЕ. Я не могу понять!..

ШАПЕЛЬ. Это мой сюжетъ!

МАТЬЕ. Вы насъ пугаете.

ШАПЕЛЬ. У меня украли мой сюжет! г. Матье, заглавіе піесы.

МАТЬЕ. Маделена; какъ зовутъ піесу?

МАДЕЛЕНА. Я играю — Дорину.

ШАПЕЛЬ. Какъ называется піеса?

МАТЬЕ. Бѣдняжка, съ непривычки, дрожала во время пробы и все только думала о своихъ послѣднихъ словахъ.

ШАПЕЛЬ (*вскакиваетъ и хватается Матье за грудь*). Какъ зовутъ піесу?

МАТЬЕ. Если для васъ такъ важно названіе, — роль-то она ужъ вытвердела, — а названіе — стоить нанять фіакръ — въ-пять-минуть узнаемъ мы названіе. Г. Шпель, успокойтесь; испытайте эту малютку — одну только спецу! Начните же! Дѣйствіе I, Явленіе I. Поважьте ей мимикю. Умоляю! Въ-пять-минуть я опять здѣсь!

(*Уходитъ*).

V.

ШАПЕЛЬ. МАДЕЛЕНА.

ШАПЕЛЬ. Не ужели это послѣдній день моей жизни!?. Вотъ, моя милая, какъ опасно театральное поприще! Одумайтесь, пока есть время; бросьте ваше намѣреніе. Знаете ли, что значить на сценѣ сюжетъ, матерія?

МАДЕЛЕНА. Я постараюсь, чтобъ гардеробъ мой былъ всегда приличенъ.

ШАПЕЛЬ. Матерія! матерія! Да вы меня не понимаете!

МАДЕЛЕНА. Ахъ! я этому очень вѣрю. Не знаю, рожена ли я актрисой; но г. Матье рѣшилъ ужъ, чтобъ я вступила на сцену. До-сихъ-поръ я не могу пожаловаться на свою судьбу. Четыре педѣли какъ я въ Парижъ; г. Матье всякій вечеръ беретъ меня въ театръ, правда, онъ ведетъ себя очень странно, хлопаетъ безпрестанно...

ШАПЕЛЬ. Мольеру?

МАДЕЛЕНА. Ему больше всего, да и актрисамъ то же; я ужъ боюсь, чтобъ онъ не испортилъ мой первый дебютъ излишнею своею благосклонностію. Миѣ сказали, что, такъ-называемая, дружескія рукоплесканія — опаснѣе всего.

ШАПЕЛЬ. Дитя мое, успѣхъ — все успѣхъ. Рукоплесканія — это единственная вещь въ мірѣ, на происхожденіе которой не обращаютъ

вниманія : изъ мѣщанскаго ли круга раздаются или изъ дворянскаго, въ восходящей ли линіи (*показываетъ на портретъ*), снизу вверхъ (*на галлерей*), или въ нисходящей — сверху внизъ , они всегда пріятны.

МАДЕЛЕНА. Въ такомъ случаѣ, г. Шапель прошу васъ, скажите мнѣ, правильно ли я буду играть въ новой піесѣ Мольера, если буду представлять, вотъ напримѣръ, такъ...

ШАПЕЛЬ. Кого же играете вы?

МАДЕЛЕНА. Остроумную, хорошенькую горничную, у которой въ рукахъ вся интрига; чрезъ эту дѣвушку и уличаютъ лицемѣра.

ШАПЕЛЬ. Совершенно моя мысль!

МАДЕЛЕНА. Приходитъ Тартюфъ. Онъ является ужъ въ третьемъ дѣйствіи...

ШАПЕЛЬ. Чтобы привлечь вниманіе зрителей. Совершенно моя мысль!

МАДЕЛЕНА. Выходя на сцену, онъ приказываетъ слугѣ своему говорить всѣмъ, что господинъ его отправился въ тюрьму—подѣлиться съ бѣдными...

ШАПЕЛЬ. Все это очень складно.

МАДЕЛЕНА. О! стихи прелестны. Въ эту минуту ханжа видитъ меня. Сперва онъ даетъ мнѣ наставленія, а потомъ — начинаеть любоваться моею красотой,—именно *моей* красотой—красоты требуетъ самая роль моя...

ШАПЕЛЬ. Мнѣ слышится изступленный восторгъ публики!..

МАДЕЛЕНА. Что тебѣ нужно? спрашиваетъ лицемѣръ , — я занимаюсь, а онъ, пользуясь моимъ замѣшательствомъ , вынимаетъ свой носовой платокъ...

ШАПЕЛЬ. Носовой платокъ?

МАДЕЛЕНА. Да, носовой платокъ и набрасываетъ его мнѣ на плеча — вотъ-этакъ, — возьмите-ка платокъ?

ШАПЕЛЬ (*вынимаетъ свой носовой платокъ*). Какъ, вы думаете...

МАДЕЛЕНА. Онъ говоритъ:

«О, силы неба! Нѣтъ я не могу сносить!
Постой, не говори, возьми платокъ скорѣй,
Вотъ мой платокъ».

Я отвѣчаю: къ чему? хочу я васъ спросить. А онъ отвѣчаетъ:

«Покройся имъ, дитя!—сокрой соблазнъ очей!
Такія плечи,—грудь—невольно взоръ зажгутъ
И мысли грѣшныя намъ въ душу въ мигъ волюють».

Потомъ, полуоборотившись ко мнѣ, полуотвернувшись, набрасываетъ мнѣ на шею платокъ — бросьте же! — и дѣлаетъ мину, выраженіе, физиономію — bravo!

ШАПЕЛЬ. Что это, никакъ я въ-самомъ-дѣлѣ играю въ Молевой піесѣ?

ЖЕРМЕНЬ (*смотритъ въ дверь*). Вамъ завтракъ, сударь, простынетъ.

ШАПЕЛЬ. Жаль, очень жаль, сударыня (*Въ боковой комнатѣ слышенъ стукъ разбитыхъ тарелокъ*). Что это! Вездѣ мое добро гибнетъ! Драмы, тарелки! грабители, разбойники! (*Убываетъ*).

VI.

МАДЕЛЕНА. СЛУГА (почтительно отворяетъ дверь) ЛАМУАНЬОНЪ (входитъ).

СЛУГА (*уходитъ*).

Ламуаньонъ (*точный подлинникъ Тартюфа, какъ представилъ его Мольеръ; также одежда, также манеры*).

МАДЕЛЕНА. Таковъ-то домашній бытъ поэта? Ужасно! Теперь я здѣсь — одна (*всторону*). Это что еще за поклонникъ.

Ламуаньонъ (*говоритъ въ растворенную дверь*). Лоренцъ! Кто спроситъ меня, такъ скажи, что я, по обыкновенію, отправился въ тюрьму — творить благія дѣла милосердія.

МАДЕЛЕНА. Боже! это точно, какъ моя роль, только въ прозѣ. Да это самъ Тартюфъ!

Ламуаньонъ (*говоритъ въ дверь*). Лоренцъ! Повѣсь на мѣсто мою одежду покаянія и моли Бога, да просвѣтитъ тебя!

МАДЕЛЕНА. Слово-въ-слово изъ моей сцены. Строгий Шпель, видно, вздумалъ испытать меня?

Ламуаньонъ (*приближается, оглядывается и, послѣ нѣкотораго молчанія, говоритъ*). Что тебѣ нужно? кто ты?

МАДЕЛЕНА (*всторону*). Что это! точъ-въ-точъ, какъ въ піесѣ! (*приготовляется робко играть роль*) «Сказать вамъ»...

Ламуаньонъ. Миѣ нужно говорить съ г. Шпелемъ... а ты кто?

МАДЕЛЕНА (*всторону*). Не знаю что и подумать?

Ламуаньонъ (*всторону*). Прелестнѣйшая дѣвушка! Обо мнѣ, развѣ, не докладывали? (*шаритъ въ своихъ карманахъ*).

МАДЕЛЕНА (*всторону*). Онъ, кажется, вынимаетъ платокъ...

Ламуаньонъ (всторону). Какой прелестный ростъ! какія граціозныя плечи! Пустимъ въ ходъ обыкновенную продѣлку! (вынимаетъ платокъ).

Маделена (всторону). Онъ знаетъ всю сцену, какъ она есть у Мольера. . Это вѣрно подосланный проэкзаменовать меня.

Ламуаньонъ (громко). Что вижу! Да это невыносимо. Дятя мое, какъ можно носить такое открытое платье? Кто въ состояніи спокойно говорить съ женщиной, когда прелести ея обнаружены.

Маделена (всторону). Смысль тотъ самый, да отчегожь не тѣ слова, какія надо? постой я скажу свою реплику? (громко и жеманно). На что это сударь, къ чему?

Ламуаньонъ (всторону). Что за чудное созданье! (громко) покрой платкомъ — соблазнительную, прекрасную (все приближается къ ней съ платкомъ), отвратительную, очаровательную, черную, бѣлоснѣжную грудь свою (хочетъ надѣть ей платокъ), плутовка соблазнительница!

Маделена. Милостивый государь, вы прибавляете къ роли своей столько словъ, что я не въ состояніи слѣдить за вами.

Ламуаньонъ. Къ моей роли? какая тутъ роль? я говорю что чувствую.

Маделена. Какъ же? Вы думаете, я не знаю, что вы хотите испытать бѣдную провинціалку? Въ такомъ случаѣ и вы держитесь словъ Мольера.

Ламуаньонъ. Словъ Мольера? Мольеръ написалъ для меня слова? Ге, ге! Да вы, моя чудесная дамочка, видно принадлежите къ числу жриць прелестнаго соблазна? Вы комедіантка?

Маделена. Точно такъ: Маделена Бежаръ, изъ Шалона, ангажированная въ королевскую труппу, для испытанія, на шесть мѣсяцевъ, съ жалованьемъ по 10 ливровъ въ недѣлю и съ своими перчатками. Г. Шапель обѣщаль позаботиться о дальнѣйшемъ моемъ эстетическомъ образованіи, но онъ заваленъ дѣлами. Ахъ, кстати, вы не учите ли сценическому искусству?

Ламуаньонъ. Я учу сценическому искусству?.. Да впрочемъ, впрочемъ, кто нынче не обучаетъ для сцены? Всѣ хотять разыгрывать роль, а кто самъ не играетъ, тотъ, по-крайшей-мѣрѣ, учитъ другихъ. Вполнѣ готовъ употребить въ дѣло всѣ мои свѣдѣнія въ эстетикѣ, декламациі и шпикѣ, для художественнаго развитія (все болѣе приближается къ Маделенѣ), такого прелестнаго созданья, какъ вы, мадмуазель Бежаръ изъ Шалона, ангажированная на королевскій те-

атръ, для испытанія, на 6-ть мѣсяцевъ, съ 20 ливрами въ недѣлю...

Маделена. Съ 10-ю, всего-то только съ 10-ю, сударь!

Ламуаньонъ. Отъ чего жъ не съ 20-ю? Знаете, такъ, такъ, со стороны? можно бы и перчаточки, шелковое платице, прекрасная квартира въ уллицѣ Ришельё, лакомства для стола, трюфели, паштеты...

Маделена. Я васъ не понимаю, сударь!

Ламуаньонъ. Прелестное дитя, это вѣдь такъ только, для начала моихъ драматическихъ уроковъ... клянусь, одна страсть къ искусству влечетъ меня къ такому существу, какъ ты... (*охватываетъ рукою ея талию*).

VII.

Прежніе. ШАПЕЛЬ и ЛЕФЕВРЪ.

ЛЕФЕВРЪ (*за сценой*). Гдѣ же эта дѣвочка—это что такое?..

Ламуаньонъ (*пугается*).

ШАПЕЛЬ. Если не ошибаюсь...

ЛЕФЕВРЪ. Такъ здѣсь происходило обинчанье!

Маделена. Этотъ господинъ хотѣлъ испытать мой талантъ.

ЛЕФЕВРЪ. И вмѣстѣ, добродѣтель?

Ламуаньонъ. О, суета міра! Вообразите, эта грѣшница упростила меня сыграть съ нею роль.

ЛЕФЕВРЪ. Да, да, да! а у васъ есть всѣ возможныя качества, чтобъ быть принятымъ въ Академію (*всторону, Шапелю*), жаль, это была бы чудная смена! Впрочемъ, утѣшся, любезный другъ, за сюжетами дѣло не станетъ. Изобрази, напримѣръ, домашняго друга или увѣщаннаго поэта — или подобныя характеры вседневной жизни (*смѣясь, кланяется Ламуаньону*)... Честь имѣю кланяться (*уходитъ*).

ШАПЕЛЬ. Извините, прошу васъ, мой будущій сотоварищъ — вы хотѣли...

Маделена. Дать драматическій урокъ...

Ламуаньонъ (*всторону*). Умоляю васъ, молчите! (*громко*) Крайне сожалѣю о судьбѣ вашей трагедіи; я только-что узналъ объ этомъ; жаль, тѣмъ болѣе, что случай, какъ нарочно, въ этой молодой особѣ послалъ вамъ чудесную актрису...

Маделена. Представьте себѣ, г. Шпель! этотъ господинъ зваецъ наизусть цѣлыя сцены пзъ новой Мольеровой піесы...

Ламуаньонъ. Наизусть? о какой піесѣ говорите вы?

ШАПЕЛЬ (*всторону*). О, да это чудесно (*громко*). О новой его пьесѣ, гдѣ онъ хочетъ побить всѣхъ волковъ, которые прикидываются смиренными овечками...

ЛАМУАНЬОНЪ. Не ужели Мольеръ ставить на сцену такіе предметы?..

МАДЕЛЕНА. Да и г. Шпель хотѣлъ представить лицемѣра...

ЛАМУАНЬОНЪ. Какъ? Вы...

МАДЕЛЕНА. Человѣка съ вѣсомъ, который покровительствуетъ всѣмъ лицемѣрамъ...

ШАПЕЛЬ (*всторону*). Ахъ, негодная болтушка!

МАДЕЛЕНА. Отъявленнаго врага науки, искусства и здраваго смысла.

ШАПЕЛЬ. Не вѣрьте этому, сотоварищъ мой! Одинъ Мольеръ развилъ подобный сюжетъ и съ такою, притомъ, желчью, что напоминаетъ самыя ѣдкія мѣста изъ Аристофана. Представьте себѣ! ужъ одно первое появленіе плута на сцену: входитъ лицемѣръ, видитъ дѣвушку—тотчасъ къ ней—любуется прелестною шеєю и наконецъ, въ борьбѣ между лицемѣріемъ и чувственностію, вынимаетъ носовой платокъ...

ЛАМУАНЬОНЪ. Платокъ?..

МАДЕЛЕНА. Чудесно!.. безподобно! на пробѣ Мольеръ именно такъ представлялъ ту минуту, когда съ негодя срываютъ маску!

ЛАМУАНЬОНЪ. Срываютъ маску?.. Какъ?.. Быть выведеннымъ на сцену, на посмѣяніе всему Парижу, всей Франціи, всего свѣта! (*приходитъ въ боязливое волненіе*). Возможно ли это, господинъ Шпель?

ШАПЕЛЬ. Не откажите, однакожъ, мой будущій сотоварищъ, позавтракать со мной? Я знаю, вы охотникъ до маленькихъ лангедокскихъ трюфелей, что такъ глубоко лежать въ землѣ...

ЛАМУАНЬОНЪ (*въ волненіи*). Конечно, маленькіе, скрытые—а какъ называется эта негодная пьеса?

ШАПЕЛЬ. Женѣ моей привезли небольшой запасъ такихъ трюфелей—изъ Лангедока—они какъ-то особенно называются...

ЛАМУАНЬОНЪ. Этотъ родъ называютъ Тартюфами, любезный г. Шпель,—а возмутительная пьеса-то, какъ называется?

ШАПЕЛЬ. Именно тартюфами—пойдемте-же потолковать поближе.—Жена моя будетъ очень рада попотчевать васъ этими тартюфами! (*хочетъ идти съ нимъ*).

VIII.

МАТЬЕ (вбѣгаетъ). Преніе.

МАТЬЕ. Вотъ я и прикатилъ г. Шапель! — Новая-то, удивительная и цѣлымъ Парижемъ ожидаемая пьеса, названа по имени маленькихъ лангедокскихъ трюфелей, любимаго кушанья ханжи — *Тартюфомъ*. Только-что я подхожу къ театру, встрѣчается мнѣ режиссеръ. Сегодня, послѣ спектакля, первая проба. Въ восемь дней будетъ 16 пробъ и тогда дадутъ Тартюфа! Весь Парижъ ждетъ не дождется; всѣ ложи разобраны на 10-ть представлений. Публика осаждаетъ кассу; это мастерское произведеніе Мольера! Маделена, намъ нельзя ни минуты мѣшкать. Твой первый дебютъ, твоя слава, твой триумфъ связанъ съ триумфомъ Тартюфа! (*Уводитъ Маделену*).

МАДЕЛЕНА (*присѣдаетъ*). Желаю вамъ хорошаго аппетита, господа; на здоровье покушать вашихъ маленькихъ тартюфовъ! (*Уходитъ съ Матье*).

ШАПЕЛЬ (*Смотритъ въ оцѣпененіи на Ламуаньона*). Тартюфъ?

ЛАМУАНЬОНЪ (*также*). Тартюфъ?

(*Занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Пріемная министра полиціи. На заднемъ планѣ корридоръ. Впереди столъ и нѣсколько стульевъ.

I.

АРМАНДА и **ЛЕФЕВРЪ** входятъ.

ЛЕФЕВРЪ. Чтѣ я вижу! Вы, величайшая артистка нашего столѣтія, здѣсь, въ полицейскомъ мѣрѣ! прикажете доложить о васъ министру?

Арманда. Не безпокойтесь, г. совѣтникъ! Если хоть одинъ изъ вѣнковъ, которые вы такъ часто бросали мнѣ на сцену изъ своей ложи, былъ знакомъ вашего ко мнѣ расположенія, то потрудитесь предупредить министра объ одномъ дѣлѣ, которое меня сильно тревожить.

Лефеврѣ. Весь Парижъ знаетъ, какъ интересуются вами въ высшемъ обществѣ. Я увѣренъ, что министръ непременно воспользуется случаемъ сдѣлать вамъ угодное. Позвольте доложить...

Арманда. Нѣтъ, нѣтъ, г. Лефеврѣ! Вы сами можете объяснить-ся вмѣсто меня! (*всторону*) Мольеръ ревнуетъ меня ко всемъ на свѣтѣ.

Лефеврѣ (*всторону*). Ей покровительствуетъ король, чего жъ ей нужно отъ министра?..

Арманда. Вы, безъ сомнѣнія, знаете, г. Лефеврѣ, что Мольеръ хочетъ послѣ завтра дать новую комедію.

Лефеврѣ. Къ пріѣзду короля — Тартюфа, о которомъ говоритъ весь Парижъ. Король будетъ въ восхищеніи, какъ увидитъ васъ въ главной роли.

Арманда. Я думаю, вы то же знаете, что сюжетъ этой мастерской пьесы...

Лефеврѣ. Похищенъ у моего несчастнаго пріятеля Шанеля? Ужъ не по этому ли дѣлу вы пришли сюда?

Арманда. Я ничего объ этомъ не знаю... Правда, у меня дѣло идетъ о похищеніи...

Лефеврѣ. Неужели?

Арманда. Если обѣщаете не удаляться отъ предмета, такъ я еще разъ попытаюсь...

Лефеврѣ. Я весь превращаюсь въ слухъ.

Арманда. Ну, такъ слушайте! Знаете ли вы, что значитъ въ закулискомъ мѣрѣ суфлерская книга?

Лефеврѣ. Какъ не знать? Это раздувательный вѣхъ для слабой паяти, машина для спасенія погибающихъ и громовой отводъ для лѣтнихъ.

Арманда. Актеры всѣ въ тревогѣ: вчера, рано утромъ, на пятой пробѣ Тартюфа, украли, непонятнымъ образомъ, у суфлера его книгу!

Лефеврѣ. Вотъ будетъ въ отчаяніи Лагранжъ, онъ никогда не знаетъ своей роли.

Арманда. Нѣтъ, всѣ мы — въ отчаяніи. Не потому, чтобы небыло у насъ другаго эклемплара; это насъ не безпокоитъ. Вы пови-

маете—важность здѣсь вся въ томъ, что исчезла, ценойнымъ образомъ, изъ театра суфлерская книга такой комедіи, противъ которой могутъ родиться интриги, съ разныхъ сторонъ, — а главнѣе всего, чтобъ не узналъ объ этомъ Мольеръ.

ЛЕФЕВРЬ. А ему-то что до этого?

АРМАНДА. Онъ необыкновенно раздражителенъ. Вездѣ видятся ему призраки, враги. Узнай онъ объ этой покражѣ, станетъ думать: вотъ теперь вѣрно постараются сдѣлать подозрительнымъ сочиненіе, написанное съ одною благородною, нравственною цѣлью...

ЛЕФЕВРЬ. Случай, въ-самомъ-дѣлѣ, премудреной. Вы ни кого не подозреваете?

АРМАНДА. Съ нѣкоторыхъ поръ начали замѣчать челоуѣка, который, постоянно, утромъ и вечеромъ пробирался тайкомъ на пробы Тартюфа, въ темную галерею нижняго яруса. Сторожа, убирающіе ложи, рассказываютъ, что зашли метлой за что-то, похожее на челоуѣка; сначала онъ притаялся, а потомъ, когда его вспугнули, бросился черезъ рампу въ партеръ. Чтобы не помѣшать пробѣ, они оставили въ нокоѣ это привидѣніе; когда же, во время случайной отлучки суфлера, въ третьемъ актѣ, исчезла изъ его будки суфлерская тетрадь, — сторожа признались въ своей оплошности; одинъ изъ нихъ увѣрялъ даже, что, кажется, узналъ вора.

ЛЕФЕВРЬ. Кто же это былъ такой?

АРМАНДА. Матье, москотильщикъ изъ улицы Пѣтуха...

ЛЕФЕВРЬ. А что, еслибъ обыскать квартиру Матье, не говоря ничего Мольеру?

АРМАНДА. О! вѣдь вы такой ревностный другъ музъ! Отвѣдите отъ него грозу: она можетъ убить его (*осматривается*). Что я вижу? Мольеръ! Неужели онъ узналъ? Онъ оглядывается недоуѣрчиво. Бѣда, если онъ меня увидитъ.

ЛЕФЕВРЬ. Что его привело сюда?

АРМАНДА (*всторону*). Онъ слѣдитъ за мною... его недоуѣрчивость безгранична. — Какъ бы мнѣ уйдти?..

ЛЕФЕВРЬ. Идите сюда, Арманда! (*показываетъ вправо на выходъ*).

АРМАНДА. А то, о чемъ мы говоримъ...

ЛЕФЕВРЬ. Немедленно доложу министру: противъ похищенія рукописей постановленія наши очень строги; нѣкоторыя я самъ составлялъ; это ужъ предоставьте мнѣ. Матье, улица Пѣтуха— надо выхлопотать приказаніе арестовать его... Сюда, сюда, предестная Арманда (*отводитъ ее въ боковую дверь*)!

II.

МОЛЬЕРЪ одинъ, потомъ ЛЕФЕВРЪ.

МОЛЬЕРЪ (*въ волненіи*). Идти ли мнѣ дальше? я постоянно замѣчаю, что у ней есть какія-то тайны... Съ отъѣздомъ короля въ Версаль, думалъ я, кончатся всѣ эти загадки, но во всѣхъ маскахъ нисколько нѣтъ правды. На сценѣ ложь, ложь и за сценой... ни одного задушевнаго чувства... Въ вашихъ объятіяхъ кажутся онѣ нѣжными, преданными, минутою спустя, вотъ здѣсь, на сценѣ, передъ зрителями, уже не то; здѣсь глаза ихъ принадлежатъ всему свѣту; тутъ начинается любезничанье, ласковые взгляды, умильные улыбки, тому, этому, туда, сюда, вверхъ, внизъ... и вотъ, что называютъ онѣ принадлежностью искусства, вотъ что значитъ, у нихъ, проникнуться духомъ роли.

ЛЕФЕВРЪ (*возвращаясь*). Здравствуйте, г. Мольеръ! какимъ образомъ общественная безопасность удостоилась посѣщенія поэта, который скоро полицію сдѣлаетъ не нужною? Вѣдь ни одинъ порокъ не можетъ скрыться отъ Мольера...

МОЛЬЕРЪ. Мадмуазель Арманда у министра? я видѣлъ, какъ она вошла въ отель ея высокихъ почитателей...

ЛЕФЕВРЪ (*показывая на окно*). Прелестное созданіе это идетъ, вотъ, посмотрите, на площади.

МОЛЬЕРЪ. Да, точно, это она. Что она здѣсь дѣлала? — Не обокрали ли ее?

ЛЕФЕВРЪ (*всторону*). Какая игра физиономіи! Думаешь, что видишь его въ роли скупаго (*громко*). Не ее, а васъ обокрали, г. Мольеръ!

МОЛЬЕРЪ. Меня?

ЛЕФЕВРЪ (*всторону*). Точно, какъ въ роли скупаго! и все это я вижу даромъ.

МОЛЬЕРЪ (*всторону*). Неужели отъ меня скрыли какое-нибудь воровство? Что бы такое у меня украли?..

ЛЕФЕВРЪ. Видѣли человѣка, который украдкой пробирался на всѣ пробы новой вашей пьесы и въ то время, какъ всѣ углубились въ свои занятія, онъ укралъ изъ гардероба одинъ изъ лучшихъ вашихъ париковъ.

МОЛЬЕРЪ. Ну, такъ! быть-можетъ тотъ, что я надѣваю въ Мизантропѣ. Объ этомъ Арманда и хотѣла объявить!.. скажите, пожалуйста, украли у меня парикъ!..

ЛЕФЕВРЪ (*всторону*). Легковѣренъ, какъ дитя!

МОЛЬЕРЪ. Держу пари, что воръ — какой-нибудь актеръ изъ провинціи, которому надобно тамъ, какъ гостю, играть роль Мизантропа, а не на что кушуть для этого волосъ...

ЛЕФЕВРЪ. Или, можетъ-быть, и поклонникъ Мольера, который, гдѣ-нибудь въ провинціи, объявить въ афишахъ: «въ первый разъ — Мизантропъ, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, Мольера.» Герой пьесы будетъ играть роль Альцеста, въ парикъ самого Мольера.» Но, что тамъ за шумъ?..

III.

МАТЬЕ, за нимъ два полицейскихъ служителя. Прежніе.

МАТЬЕ (*еще за сценой*). Просто, неслыханное дѣло... Парижскій гражданинъ... Какъ можно почитателя Мольера... Г. Мольеръ, помилуйте, какъ можно подозрѣвать меня въ похищеніи вашей собственности!.. Я Жанъ-Пьеръ-Матье, изъ улицы Пѣтуха — опекунъ и театральнй воспитатель Маделены-Бежаръ...

МОЛЬЕРЪ. Матье, неужели вы украли парикъ?

ЛЕФЕВРЪ (*всторону*). Вотъ не кетати-то подвернулся!

МАТЬЕ. Укралъ парикъ?

ЛЕФЕВРЪ. Отведите арестанта къ допросу.

МАТЬЕ. Милостивый государь, мнѣ самому надо спросить Маделену Бежаръ, мое созданіе; прослушать ея несравненную роль въ пьесѣ, которой рукопись, говорятъ, я укралъ...

МОЛЬЕРЪ. Что ты сказ...

ЛЕФЕВРЪ. Прочь его, прочь!

МОЛЬЕРЪ (*поблдипель*). Украдена рукопись Тартюфа?

МАТЬЕ. Да, помилуйте, я знаю всю пьесу наизусть, выучилъ ее на пробахъ, гдѣ бывалъ всегда тайкомъ, изъ любви къ искусству, и чтобъ я сталъ таскать у сфлера рукопись Тартюфа!

МОЛЬЕРЪ. Чтò я слышу?

ЛЕФЕВРЪ. Не безпокойтесь, г. Мольеръ, Арманда рассказала мнѣ о загадочномъ похищеніи вашей рукописи, и такъ-какъ подозрительно, когда человѣкъ пробирается въ театръ тайкомъ...

МАТЬЕ. Мольеръ меня знаетъ. Мольеру извѣстно, къ чему способны мои руки, для пользы искусства; но, украсть сочиненіе, которое до представленія, должно оставаться въ тайнѣ...

МОЛЬЕРЪ (*въ волнскій*). Г. Дефевръ, отпустите Матье Онъ!

человѣкъ честный, на это онъ не способенъ! Тартюфа у меня подучили украсть, чтобъ повредить ему до представленія. — Вы не знаете всѣхъ хитростей зависти и коварства ханжей... Подобнаго случая еще не бывало... Все тревожить меня до такой степени...

IV.

ДЮБУА, скорыми шагами выходитъ изъ кабинета министра, держа въ рукахъ записку. *Прежніе.*

Дюбуа (*отзывая Лефевра всторону, показываетъ ему записку, которую Лефевръ внимательно читаетъ*).

МАТЬЕ. Вотъ лейбъ-медикъ короля... Пусть онъ меня изслѣдуетъ, способенъ ли я къ воровству...

ЛЕФЕВРЪ (*подходитъ съ запиской къ Мольеру*). Мольеръ, было бы легкомысліемъ скрывать отъ васъ содержаніе безыменнаго письма, только-что полученнаго министромъ полиціи, которое сію-минуту сообщалъ мнѣ г. Дюбуа. Прочтите.

Мольеръ (*читаетъ въ большомъ волненіи*). «Г. министр! Носится слухъ, что сцену хотятъ сдѣлать позорищемъ никогда не бывалаго злоупотребленія. Г. Мольеръ, слѣдуя склонности своей къ отщепенію образованному обществу, за то, что сословіе актеровъ считается не первымъ во Франціи, выставляетъ публично такъ называемыя предразсудки и пороки. Нынѣ онъ коснулся даже высокой нравственности. Подъ именемъ *Тартюфа* намѣренъ онъ представить характеръ, первѣйшая добродѣтель котораго — кротость и смиреніе. Всѣ люди религіозные и нравственные ожидаютъ отъ г. министра полиціи, что онъ не допуститъ на театрѣ подобнаго соблазна и тѣмъ, въ глазахъ людей благомыслищихъ, спасетъ и безъ того уже навшую нравственность города Парижа. — Нѣсколько возвышенныхъ душъ (*стоитъ безмолвенъ*)...»

МАТЬЕ. Такъ вотъ одна изъ этихъ возвышенныхъ душъ и украдена пьесу. Но успокойтесь, г. Мольеръ, я знаю ее наизусть; сейчасъ иду домой и напишу. Не даромъ терпѣлъ я отъ метель сторожей. Не удастся имъ истребить Тартюфа! На зло имъ, Тартюфъ останется живъ; память моя воскреситъ его на вѣки! (*убѣгаетъ*).

(*Полицейскіе слѣдуютъ за нимъ*).

Дюбуа. Г. Мольеръ, министръ желаетъ лично васъ видѣть. Вотъ онъ!

ЛЮННЬ и прежнее.

Люннь. А! здравствуйте Лефевръ! что скажете о письмѣ?

Лефевръ. Я очень радъ, что на эту пору, случился здѣсь самъ Мольтеръ...

Люннь. Неужели, г. Мольтеръ?

Мольтеръ (*дрожа*). Да, г. министръ, еще не могу прійти въ себя: такъ поразилъ меня этотъ доносъ.

Люннь. Хотѣли сдѣлать подозрительно въ глазахъ моихъ новую пьесу, которую вы вскорѣ намерены представить.

Мольтеръ. Нѣтъ, хотѣли не того, а исказивъ истинное направление пьесы, хотѣли, чтобъ вся отвѣтственность за ея представленіе легла на совѣсть человѣка, который сляшкомъ благороденъ и правдивъ для того, чтобъ интересы искусства принести на жертву лицемѣрамъ.

Люннь. Но интересы искусства не должны же, любезный Мольтеръ, нарушать общественныхъ уставовъ. Объясните мнѣ, однакожь, откровенно, содержаніе Тартюфа; вы увидите, что я сумѣю различить сатиру отъ пасквилля. Прошу садиться. (*Садится*).

Дюбуа (*всторону*). 11-ть часовъ — однакожь послушаю Мольтера (*береть стулъ*).

Лефевръ (*всторону*). Чтожь, если я пропущу одно засѣданіе въ судѣ? Такой случай не воротится!

(*Придвигаетъ стулъ*).

(*Всѣ сидятъ*).

Мольтеръ (*все еще въ сильномъ волненіи, но обращаетъ вниманіе на мѣсто, гдѣ находится*). Прошу васъ, г. министръ, припомнить, какую задачу задалъ я себѣ въ отношеніи французской сцены. Я засталъ комедію моихъ предшественниковъ въ видѣ безнравственныхъ и грубыхъ фарсовъ; слабыми своими силами стремился я дать ей болѣе возвышенное, благородное значеніе; въ искусствѣ искалъ я оружія для борьбы просвѣщенія съ ложью, осмѣлился выставить предъ глазами свѣта эгоизмъ, тщеславіе, низкій обманъ, во всѣхъ его видахъ и старанія мои были не безуспѣшны: мнѣ отдали справедливость, что, чрезъ меня, сцена получила по-крайней-мѣрѣ, болѣе благородное значеніе...

Лионнъ. Не только нація, но и самъ король призналъ за Мольеромъ славу этихъ преобразованій.

Лефевръ (*всторону*). Слава Богу, что похвалъ этихъ не слышитъ Шашель!

Мольеръ. Изобразивши рядъ комическихъ характеровъ, представивши скупость, ни на чемъ не основанную ревность, жажду почестей, дошелъ я, наконецъ, также и до разряда самыхъ опасныхъ плутовъ, — до лицемѣровъ, скрывающихъ темныя дѣла свои подъ маскою смиренія. Я далекъ отъ намѣренія оскорбить сердца истинно-правдивыя, но не суцая ли зараза для общества, когда ежедневно, въ мирную среду семействъ, на кафедры, въ кабинеты пропикаютъ люди, скрывающіе, подъ покровомъ строгой добродѣтели, одно лишь личное свое честолюбіе. Вотъ, противъ этихъ-то враговъ семейнаго мира и общественнаго порядка, которые преслѣдуютъ, по словамъ ихъ, изъ состраданія, которые не навидятъ, говоря языкомъ ихъ, изъ любви, — противъ нихъ устремилъ я своего Тартюфа, ихъ вызываю на честный бой, въ которомъ, я надѣюсь, поддержатъ меня всѣ, у кого въ сердцахъ истинная вѣра и чистая совѣсть.

Лионнъ. Объясните мнѣ самый планъ вашего нападенія?

Мольеръ. Въ Тартюфѣ представилъ я отчаяніе семейства, сдѣлавшагося жертвою подобнаго лицемѣра. Отецъ мой былъ друженъ съ человѣкомъ, который самымъ безукоризненнымъ образомъ приобрѣлъ изрядное состояніе. Чтобъ насладиться имъ, Дюлесси уѣхалъ въ деревню и нѣкоторое время жилъ счастливо съ красавицей-женой, достойной любви и двумя прелестными дѣвочками, единственными ихъ дѣтьми. Но здѣсь, несчастная звѣзда привела въ домъ ихъ человѣка, который, подъ личиною добродѣтели, погубилъ ихъ всѣхъ. Вбравшись сперва въ довѣрчивость старушки-матери Дюлесси, спускалъ онъ дружбу самаго богача и, посредствомъ ея, захватилъ въ свои руки неограниченную власть надъ всѣмъ домомъ, но всѣмъ дѣламъ... Только и твердилъ онъ о задушевной дружбѣ, о слияніи сердець. Дюлесси, меланхоликъ отъ природы, совершенно удалился отъ практической жизни и вѣрилъ вѣроломному другу управленіе всѣмъ имѣніемъ. Негодяй воспользовался этимъ, какъ нельзя лучше. Дюлесси предостерегали, но онъ слѣпо вѣрилъ человѣку, то и дѣло твердившему о любви къ ближнимъ. Разочарованіе его было ужасно. Злодѣй, похитивъ его имѣніе, скрылся, оставивъ его въ нищетѣ съ бѣдными дѣтьми; мать, съ горя, умерла; старикъ тоже не вынесъ горя, дѣтей призрѣли чужіе люди; изъ тысячъ, имъ принадлежавшихъ, не было никакой возможности хоть бѣздѣлицу вырвать

изъ рукъ злодѣя; отъ суда избавился онъ крючкотворствомъ; потомъ сталъ быстро возвышаться и теперь занимаетъ, — да нѣтъ — теперь онъ ужъ не лице, а одна только идея, на которой я и основываю Тартюфа.

Лионнъ (*встаетъ и прочіе также*). Мольеръ, Людовикъ XIV поставилъ меня на этотъ постъ, для преслѣдованія враговъ правоственнаго порядка его земля, но не таковъ — поэтъ, который прекрасный талантъ свой употребляетъ только на пользу современниковъ и потомства. Поэтому, я не нахожу урениствія къ представленію вашей пьесы.

Дюбуа и Лефеврѣ. Bravo!

Мольеръ. Миѣ право совѣстно, г. министръ. Вѣсмъ, что я сдѣлалъ, обязанъ я одному вдохновенію искусства, которое люблю и которое, за то, — въ этомъ вся моя гордость, — любить меня.

Лионнъ. А этотъ первообразъ, этотъ подлинникъ вашего Тартюфа, — кто онъ?

Мольеръ (*уклончиво*). Онъ... его... нѣтъ, кажется, уже въ живыхъ. Да и кромѣ того, ханжи такого рода попадаются дюжинами на всѣхъ перекресткахъ.

Лионнъ. Вы избѣгаете прямого отвѣта, Мольеръ! скажите по совѣсти: нѣтъ ли, кромѣ умершаго подлинника, кого-нибудь еще, кто бы, въ особенности, могъ принять Тартюфа на свой счетъ?

Мольеръ. Признаюсь, я собиралъ вездѣ, гдѣ могъ, отдѣльныя черты этихъ лицемѣровъ. Въ довершеніе, я узналъ слѣдующій анекдотъ. Къ одному изъ главныхъ начальниковъ этой вредной партіи пришла молоденькая крестьянка изъ Лиможа, хорошенькая, свѣженькая, которая думала, что ей нельзя прискаты лучшаго мѣста, какъ въ такомъ благоуравномъ домѣ. Мой Тартюфъ началъ ее экзаменовывать. Онъ хотѣлъ лично убѣдиться: тверда ли она въ добродѣтели, а вмѣстѣ съ тѣмъ, довольно ли сильны ея плечи, чтобъ нести бремя испытаній. На шеѣ у красавицы была клѣтчатая бумажная косынка. Тартюфъ беретъ эту косынку за одинъ конецъ и дергаетъ, сперва легонько, потомъ сильнѣе и сильнѣе. Красотка отстунаетъ; онъ — за ней; наконецъ и весь платокъ у него въ рукахъ. Въ эту минуту отворяется дверь и входитъ другъ его! Тартюфъ, что это вы дѣлаете? спрашиваетъ онъ. Блѣдный, испуганный, пойманный лицемѣръ едва могъ пробормотать: «Любезный братъ мой! Я только хотѣлъ поближе удостовѣриться о состояніи Лиможской бумажной промышленности...»

(*Всѣ смѣются*).

ЛЕФЕВРЪ. О! недавно и я засталъ одного господина среди подобныхъ розысканій. Неужели, это президентъ Ламуаньонъ?

МОЛЬЕРЪ Ламу... (*молчаніе*). Въ Тартюфѣ изобразилъ я не отдельное лице, а цѣлый родъ.

ЛЮОНЪ. Мольеръ! если только въ Тартюфѣ нѣтъ ничего противъ существующихъ законовъ, такъ не безнокойтесь. Тартюфъ долженъ жить, жить для французской сцены! Если еще не все ложи разобраны, то, прошу васъ, оставьте одну для меня; искренно васъ поздравляю съ блестящимъ успѣхомъ, который предсказываю заранѣе.

МОЛЬЕРЪ. Ахъ! я дышу свободнѣе при мысли, что поэтъ, подъ защитою такихъ людей, какъ вы, можетъ слѣдовать высокому своему призванію, служить истинѣ и просвѣщенію. Разговоръ мой съ вами, г. министръ, даетъ мнѣ новую силу и бодрость подвизаться впередъ на тернистомъ пути моемъ... но... пора на пробу. Позвольте мнѣ откланяться (*быстро уходитъ*).

ЛЕФЕВРЪ (*береть шляпу*). А есть разница между моимъ добрымъ Шапелемъ и этимъ Мольеромъ!

ДЮБУА (*также*). Жаль, что наши Тартюфы не ходятъ въ театръ: какъ бы восхитила ихъ сцена, гдѣ они являются покровителями Лиможской промышленности.

ЛЮОНЪ. Король любитъ Мольера, и я (*разрывая письмо*) не намѣренъ слушать подобныхъ павѣтовъ.

СЛУГА (*докладываетъ*). Г. президентъ Ламуаньонъ!
(*Все переглядываются съ удивленіемъ*).

ДЮБУА. Видно мы прежде остальной публики увидимъ Тартюфа.

ЛЮОНЪ. Что ему нужно!

ЛЕФЕВРЪ. Вотъ онъ самъ.

VI.

ЛАМУАНЬОНЪ в прежнѣе.

ЛЮОНЪ. Что за рѣдкая честь, дорогой президентъ!

ЛАМУАНЬОНЪ. Извините, возлюбленный братъ мой; минуты нѣтъ свободной: это множество благотворительныхъ обществъ, богоугодныхъ заведеній, преобразование нравственныхъ учреждений и мало ли что входитъ въ дѣятельность человѣка, который стремится единственно къ тому, чтобы все пересадить на почву нравственности.

Дюбуа. Такая дѣтельность какъ нельзя болѣе полезна вашему здоровью.

Ламуаньонъ. Вы думаете, докторъ? пощупайте-ка мой пульсъ! или нѣтъ, не надо; я больше не вѣрю докторамъ.

Дюбуа. Можетъ ли это быть? Кто же у васъ похитилъ вашу до-вѣрчивость?

Ламуаньонъ. Нынѣшніе сатирики, любезнѣйшій мой!.. Въ Па-рижѣ теперь надо всею смѣются.

Лефеврѣ. Даже надъ изученіемъ бумажной промышленности?

Ламуаньонъ. Бумажной — что вамъ вздумалось заговорить о бумагѣ?

Лефеврѣ. (*всторону*). Каково, каково, онъ изумился! (*громко*). Не правда ли: нынче овцеводство такъ развелось, что, во Франціи, о бумагѣ и толковать не стоить?

Ламуаньонъ. Да, г. совѣтникъ, вы хотите этимъ намекнуть на адвокатовъ! Съ-тѣхъ-поръ, какъ наши новѣйшіе сатирики показали намъ, что такое нотаріусы, — при словахъ: овцеводство, стрижка овецъ, невольно подумаешь о тяжбахъ. Но не въ томъ дѣло. Любез-ный Лионъ, у меня есть къ вамъ пренепріятное порученіе.

Лионъ. Какъ это такъ? Вы всегда были вѣстникомъ мира, другъ Ламуаньонъ!

Ламуаньонъ. Не охотно взялъ я на себя это непріятное для васъ дѣло. Подъчасъ и всеобщее довѣріе — не радость.

Лионъ. У насъ первы крѣпки. Расскажите, что вамъ угодно?

Дюбуа. Быть-можетъ, дѣло секретное? (*Беретъ шляпу*).

Ламуаньонъ. О нѣтъ; о немъ толкуетъ весь городъ. 270 почетнѣйшихъ гражданъ Парижа поручили мнѣ подать вамъ вотъ это прошеніе и выхлопотать рѣшеніе въ ихъ пользу.

(*Вынимаетъ изъ кармана большой свертокъ*).

Лефеврѣ. Можетъ-быть просять наложить пошлину на красныя лиможскія косынки?..

Ламуаньонъ. (*всторону*). Что это ему дались красныя лиможскія косынки?

Лефеврѣ (*всторону*). Чудесно! Другъ промышленности — не премѣнно Ламуаньонъ.

Ламуаньонъ. Мнѣ кажется, дѣло идетъ о непріятномъ теат-ральномъ зрѣлищѣ. 270-тъ гражданъ, въ этой просьбѣ, изъявили желаніе — хотять, право не помню...

Лионъ. (*прочитавши*). Бездѣлица — запрещеніе Тартюга!

Ляфевръ и Дюбуа. Неужели?

Ламуаньонъ. Запрещенія тар...а?.. Что такое—Тартюфъ?

Лионнъ, Ляфевръ и Дюбуа. Тартюфъ?

Ламуаньонъ. А! Тартюфъ? Такъ точно... помню, театральная пьеса... думаютъ, что она произвела бы во Франціи соблазнъ, еслибъ допустили публично осмѣять всѣхъ ревнителей нравственности.

Ляфевръ. Всѣхъ, г. президентъ? одного только!

Ламуаньонъ. Кого это! конечно одного только.

Дюбуа. Представителя, такъ сказать, цѣлаго рода.

Ламуаньонъ. (*запальчиво*). Скажите лучше, представителя добродѣтели. Тѣ 270-тъ гражданъ, въ подобныхъ нападкахъ видятъ всеобщій соблазнъ и просятъ министра полиціи запретить Тартюфа.

Лионнъ. Одного только имени не вижу я въ этомъ спискѣ: вашего, Ламуаньонъ.

Ламуаньонъ. Какое мнѣ дѣло до этихъ суетностей? По моему убѣжденію, которое крѣоче гранита, благо ни сколько не потерпитъ отъ нападена поклонниковъ ваала.

Лионнъ. И прекрасно, Ламуаньонъ! Это же отвѣчайте и кліентамъ вашимъ. Черезъ три дня будетъ первое представленіе Тартюфа.

Ламуаньонъ. Будетъ черезъ три... дня?..

Ляфевръ. Актеры прекрасно разучили пьесу, не много понадобится пробъ,—особенно удачна сцена съ косынкой.

Ламуаньонъ. Какая?

Ляфевръ. Какъ какая? Да развѣ тамъ нѣсколько сценъ съ косынками?

Ламуаньонъ. Господа, повторяю то, что я уже сказалъ въ собраніи (*съ удареніемъ*) 270-ти первѣйшихъ гражданъ Парижа, что смпреннымъ людямъ нечего опасаться насмѣшекъ скомороха, но...

Дюбуа. Но, говорятъ, у этого скомороха бездна остроумія и необыкновенный талантъ подражанія.

Ламуаньонъ. Скоро вы это сами испытаете.

Дюбуа. Кто? я?

Ламуаньонъ. Да, конечно, вы. Развѣ вы не знаете, что вслѣдъ за Тартюфомъ, если онъ удастся, дана будетъ пьеса: «Мнимый больной.»

Дюбуа. Мольеръ не станетъ острить надъ больными.

Ламуаньонъ. Не надъ больными, а надъ докторами.

Дюбуа. Что ему въ нихъ не понравилось?

Ламуаньонъ. Не угодно ли взглянуть на два первыя дѣйствія комедіи, читанной у Ниноны де Ланкло? Мѣсяца черезъ два, не только Тартюфы, но Діафуарусы будутъ посмѣшищемъ всего Парижа.

Дюбуа. Діафуарусъ? кто это такой?

Ламуаньонъ. Величайшій невѣжда въ медицинѣ, какого только свѣтъ производилъ, который безъ толку и смысла душитъ больныхъ своими микстурами, безсовѣстный неучъ, получившій отъ факультета похвальный отзывъ за пилюли новаго рода, изъ хлѣбныхъ корокъ, за тинктуру изъ чистой колодезной воды и за пластырь изъ простой смолы! Да, батюшка, не пройдетъ и года, какъ придется докторамъ продать ихъ покойные экипажи, и если къ больному явится врачъ, такъ врача вытолкаютъ за дверь.

Дюбуа. (*смотритъ на часы*). Мнѣ говорили что два дѣйствія, читанныя Мольеромъ у Ниноны, произвели сильнѣйшій смѣхъ, но на это, г. министръ, не обращайтесь никакого вниманія: на театрѣ необходима сатира.

Ламуаньонъ. Въ этой комедіи есть еще врачъ Пюргонъ и аптекаръ Флёранъ, т. е. процвѣтающій, потому-что процвѣтаніе врача и аптекаря тѣсно связано, если умираютъ пациенты. Пюргонъ и Діафуарусъ поклялись погубить другъ друга, и храбро сражаются пилюлями и кашками, избравши поле битвы — больной организмъ бѣднаго Оргонта. Не умѣю сказать, на кого изъ нихъ Дюбуа будетъ больше похожъ, а знаю только, что придется докторамъ раскланяться съ ихъ благодатной практикой: послѣ Мольерова «Мипмага больного,» парижане не будутъ умѣть отличить врача отъ шарлатана.

Дюбуа. Конечно, г. министръ, и сцена должна непременно имѣть извѣстные предѣлы, за которые не долженъ переходить Мольеръ, чловѣкъ, какъ мнѣ кажется, подверженный страданіямъ печени, однимъ словомъ — ипохондрикъ... Однако... конечно... разумѣется... если положимъ даже... нѣкоторымъ образомъ... это вѣдь одно только мое простое, прямое мнѣніе... мое почтеніе. (*Уходитъ въ раздраженіи*).

Лефевръ (*смотритъ на министра, читающаго просьбу*). Ага! просьба дѣйствуетъ! г. президентъ, имѣтъ ли у Мольера пьесы и противъ адвокатовъ? Меня не такъ скоро удастся вамъ обратить на путь истинный.

Ламуаньонъ. Очень жаль, г. совѣтникъ, если вы думаете, что я предубѣжденъ противъ Мольера и стараюсь о запрещеніи его пьесъ.

ЛЕФЕВРЪ. Гдѣ же задѣлъ Мольеръ адвокатовъ? А если и такъ — я вѣдь нотаріусъ и первый экзекуторъ * верхняго суда.

ЛАМУАНЬОНЪ. Мольеръ не задѣнетъ нотаріусовъ, онъ ужъ задѣлъ ихъ.

ЛЕФЕВРЪ. Гдѣ?

ЛАМУАНЬОНЪ. Въ Тартюфѣ.

ЛЕФЕВРЪ. Въ Тартюфѣ?

ЛАМУАНЬОНЪ. Я читалъ Тартюфа.

ЛЕФЕВРЪ. Знаете ли, что у Мольера украли одинъ экземпляръ?

ЛАМУАНЬОНЪ (*испулавшись*). Тамъ... въ томъ въ собраніи... тѣхъ 270 гражданъ прочли одинъ экземпляръ. Какъ онъ тамъ очутился — не знаю. Вотъ Тартюфъ.

(*Достаетъ изъ кармана книгу въ четверть листа*).

ЛЮДИНЪ. Какъ? Это и есть сочиненіе, которое начинаетъ насъ такъ серьезно занимать?..

ЛЕФЕВРЪ (*въ волненіи*). Очень бы любопытно прочесть то мѣсто, гдѣ Мольеръ смѣется надъ адвокатами и нотаріусами.

ЛАМУАНЬОНЪ. А вотъ позвольте. Первые четыре дѣйствія публика потѣшается надъ лицемѣромъ, въ которомъ, конечно, не узнаетъ себя никто изъ чистыхъ смиренныхъ душъ. — Но въ пятомъ актѣ дѣло принимаетъ иной оборотъ. — Тартюфъ, для полученія наслѣдства пронырствами ..

ЛЕФЕВРЪ. Гдѣ написано пронырствами?

ЛАМУАНЬОНЪ. Читайте сами. Тартюфъ, для полученія наслѣдства пронырствами, выхлопоталъ себѣ приписъ къ духовной...

ЛЕФЕВРЪ. Гдѣ написано приписъ къ духовной?

ЛАМУАНЬОНЪ. Выхлопоталъ себѣ приписъ къ духовной, по которой и отдѣлили ему значительную часть Оргонтова имѣнія. Юстиція... слушайте, слушайте... юстиція, за одно съ лицемѣромъ, нашла своего представителя въ лицѣ нѣкотораго г. Луаяля.

ЛЕФЕВРЪ. Гдѣ, гдѣ написано г. Луаяля?

ЛАМУАНЬОНЪ. Луаяль, адвокатъ, нотаріусъ и первый экзекуторъ верхняго суда въ Константинополѣ, или въ Калькуттѣ, гдѣ вамъ угодно, — ге, ге, ге, да вѣдь кому же придетъ въ голову, что это у насъ?

* Можно также вмѣсто слова: *Экзекуторъ* (*huissier*) употреблять слово: *Приставъ*; потому-что «въ Тартюфѣ» Мольера *Loyal Sergent*, т. е. судейскій приставъ.

Левфевръ. Покажите мнѣ, что говорить этотъ Луаяль.

Ламуаньонъ Дѣйствіе 5, явленіе 4. Прочтите только эти уми-
лительныя слова, которыя Мольеръ заставляетъ говорить представителя
потаріусовъ, разберите только слова г. Луаяля о самомъ себѣ: онъ ро-
домъ изъ Нормандіи!

Левфевръ. Какъ? и я изъ Нормандіи.

Ламуаньонъ. Я васъ не трогаю. Я обращаюсь къ вамъ, г. ми-
нистръ. Г. Луаяль излагаетъ всю свою систему крючкотворства, благо-
даря которой сословіе потаріусовъ, какъ вамъ извѣстно, пользуется въ
парижской публикѣ всеобщимъ довѣріемъ... Вы думаете, публика ста-
нетъ плакать, когда несчастный обманутый Оргонъ говоритъ — вотъ
прочтите сами, — что далъ бы сто луидоровъ за то, чтобъ плуту Луа-
ялю, за его подъяческія штуки, можно было дать оплеуху, — да такую,
чтобъ у него до самой смерти звенѣло въ ушахъ.

Левфевръ. Неужели тамъ есть такой стихъ?.. Это Мольеру не-
простительно! Никакъ я не воображалъ, чтобъ онъ сталъ писать та-
кія предосудительныя вещи про потаріусовъ и экзекуторовъ. — Безъ
всякаго сомнѣнія, г. министръ, для сцены должны существовать из-
вѣстные предѣлы; ихъ обязанъ уважать и Мольеръ, которому, вѣ-
роятно, досадно, что ему иногда случается проигрывать тяжбы...

Лионнь. Такъ вы желаете запрещенія Тартюфа?

Левфевръ. О, нѣтъ... вовсе нѣтъ... но, однако... если съ дру-
гой стороны... положимъ даже... мое глубочайшее почтеніе! (*ухо-
дить разсерженный*).

Лионнь. Вы, Ламуаньонъ, можетъ-быть, во многомъ правы, да
и я не изъ числа тѣхъ, которые одобряютъ своеволие въ изящной
словесности... Но вы знаете, сколько шуму подѣлываетъ Мольеръ
при запрещеніи его пьесы: знаете, что король такъ занятъ дѣлами
государственными, что ему некогда читать, но что онъ, однакожь,
очень любитъ сценическое искусство, любитъ Мольера — и его жгу-
чія, сивлыя произведенія.

Ламуаньонъ. Да и королю пьеса эта не покажется чрезъ-
чуръ льстивою...

Лионнь. Льстивою? какъ такъ?..

Ламуаньонъ. Въ концѣ ея говорится и про него.

Лионнь. Какъ! про короля?

Ламуаньонъ. Да, одно изъ дѣйствующихъ лицъ осмѣливается
говорить въ честь Людовика XIV — торжественно похвальное слово.

Лионнь. Странно! вѣроятно Мольеръ увлекся здѣсь личнымъ

своимъ чувствомъ... Однакожь, я полагаю, что тутъ рѣчь идетъ только о справедливости короля?

Ламуаньонъ. Нѣтъ, г. министръ, тутъ выражается радость, что Людовикъ XIV простую, прямую добродѣтель предпочитаетъ ханжеству.

Лионнъ. Гмъ, гмъ? здѣсь нѣтъ никакого такту!

Ламуаньонъ. Вамъ извѣстно, что король до сей-минуты не рѣшилъ еще, какъ смотрѣть на борьбу противъ янсенистовъ, на миссіонеровъ въ провинціяхъ, на орденскія братства, и вдругъ какой-нибудь актеръ смѣетъ указывать, предъ цѣлою Франціей, какихъ началъ онъ долженъ держаться!

Лионнъ. Королю, конечно, не понравилось бы, еслибъ осмѣлились провозглашать такія начала...

Ламуаньонъ. И при томъ устами полиціи!..

Лионнъ. Какъ, пол..?

Ламуаньонъ. Такъ точно, похвальное слово королю говоритъ никто иной, какъ добрякъ, простой полицейскій комиссаръ.

Лионнъ (*смотря на книгу*). Поли... Прошу покорно, ужъ и на полицію!.. Нѣтъ, Ламуаньонъ, скажите прямо вашимъ почтеннымъ гражданамъ, что блага челоуѣчества я не упушу изъ виду. Книгу эту можете возвратитъ Мольеру, замѣтивъ ему, что для общей пользы государства я вынужденъ — запретитъ Тартюфа (*уходитъ*).

Ламуаньонъ (*торжественно*). Га! Всѣ они Тартюфы! Всѣ до одного! Всѣ! въ какомъ бы костюмѣ ни ходили, у себя ли дома, или въ обществѣ, кому бы ни поклонялись, — мамонъ, красавицамъ, или своему эгоизму — все-таки — всѣ они Тартюфы! Всѣ! всѣ! Теперь только одинъ вопросъ: какъ Мольеръ узналъ о тебѣ, Дюлесси? Но... мертвые не утрашатъ меня — побѣда моя!

(*Уходитъ*).

(*Занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Комната во дворцѣ Людовика XIV.

I.

ДЕЛАРИВЪ, потомъ ЛАКЕЙ и ЛІОННЬ.

Деларивъ (*одинъ у окна*). Минута уходитъ за минутой, а желаннаго отвѣта — нѣтъ какъ нѣтъ. Арманда и не подозрѣваетъ, какъ нетерпѣливо его ждетъ ея высокій покровитель.

Лакей. Г. министръ полиціи (*уходитъ*).

Ліоннь (*входя*). Здравствуйте, камергеръ! Долго же вы пробыли въ Версали!

Деларивъ. За то вернулся въ самую пору, когда можно отъ души поохотать.

Ліоннь. Поохотать? надъ чѣмъ?

Деларивъ. Ха, ха, ха! Ліоннь, да вы первый комикъ въ Парижѣ...

Ліоннь. Комикъ? Съ какой стороны? Надъ чѣмъ вы смѣтаетесь?

Деларивъ. Мочи нѣтъ! ха, ха, ха! Вы найдете короля въ такомъ расположеніи духа... ха, ха, ха!

Ліоннь. Странно! и король... ха, ха, ха!

Деларивъ. Да вы-то чему смѣтаетесь?

Ліоннь. А вы чему?..

Деларивъ. Пойдемте, Ліоннь! Король встрѣтитъ васъ съ распростертыми объятіями: вы доставили ему пріятнѣйшее утро... ха, ха, ха!

Ліоннь. Какое-нибудь полицейское дѣло насмѣшило его?

Деларивъ (*уводитъ его, смѣясь*).

II.

МАДЕЛЕНА одна, въ одеждѣ королевскаго пажы.

Вотъ и я! Театральная моя жизнь начинается ролями переодѣванья. Тартюфа запретили и теперь приходится намъ на улицѣ играть

комедию! Арманда велѣла отдать это письмоцо господину, который ни молодъ, ни старъ, ни хорошъ, ни дурецъ, и называется камергеромъ Деларивомъ...

III.

ДЕЛАРИВЪ и МАДЕЛЕНА.

Деларивъ. Незнакомый мнѣ пажъ.

Маделена. Милостивый государь, что вы ни молоды, ни стары, ни хороши, ни дурны — это я сама вижу, но васъ ли зовутъ камергеръ Деларивъ?

Деларивъ. Тебя, плутишку, вѣрно опредѣлили ко двору въ то время, какъ мы были въ Версали?..

Маделена. Мнѣ очень жаль, что это сдѣлали, не спрося у васъ. Вотъ письмо, надо отдать его въ собственныя руки королю.

Деларивъ. Отъ кого?

Маделена. Король самъ узнаетъ руку...

Деларивъ. Развѣ вы не знаете, что вамъ, какъ пажу, нельзя принимать писемъ отъ тѣхъ, кто не объявляетъ своего имени? Давно ли вы носите это платье?

Маделена. Ужъ съ часъ будетъ.

Деларивъ. И васъ не представили дежурному камергеру? Какой грубый бархатъ, какіе нечистые галуны; но, я слышу, его величество идетъ... подите прочь..

Маделена. Письмо отъ дамы! Если королю угодно будетъ послать со мною отвѣтъ, — я буду ждать въ боковой галлерей.

Деларивъ (*толкаетъ Маделену всторону*). Какая грубая одежда! Подумаешь, что интендантъ занимаетъ пажескія платья изъ Мольерова театральнаго гардероба...

Маделена (*уходя*). Или, что театральнй гардеробъ покупаетъ у интенданта отслужившія платья... Знаете вы исторію про болтливыя ножницы? Однажды были ножницы...

Деларивъ. Убирайся съ твоими ножницами! Король идетъ!

(*Маделена уходитъ въ комнату направо*).

IV.

ЛЮДОВИКЪ XIV, ЛЮННЬ и ДЕЛАРИВЪ.

Людовикъ. Ха, ха, ха! Люннь! да это презабавная исторія!

Лионнь. Ваше величество изволите...

Людовикъ. Я очень сердить! едва на три какіе-нибудь дни уѣдешь изъ Парижа и возвращаешься въ него точно какъ въ хаосъ.

Лионнь. Я думалъ дѣйствовать въ видахъ порядка, когда запретилъ представленіе пьесы, которая болѣе пасквиль, чѣмъ произведеніе искусства.

Людовикъ. Ха, ха, ха! И онъ судить о произведеніяхъ искусства! Это, просто, комедія!

Лионнь. Государь, я не знатокъ въ этихъ вещахъ, не могу судить, написано ли сочиненіе по правиламъ Аристотеля, но знаю, что въ Тартюфѣ много намековъ на разные безпорядки.

Людовикъ. Скажите однако, развѣ преступленіе смѣяться надъ тѣмъ, что безпорядочно! Вотъ было бы худо, Лионнь, еслибъ преступники надъ вами смѣялись! Тѣ, которые боятся пьесы—кажутся дѣтьми, или узнаютъ въ ней себя.

Лионнь. Государь, еслибъ вы соблаговолили прочитатъ...

Людовикъ. Пожалуйста, Лионнь, избавьте! Мнѣ для этого нужно три свободные часа, а у хорошаго короля ихъ нѣтъ. (*Встопону, Делариву*). А что Арманда? имѣете ли вы извѣстіе?

Деларивъ. Она ѣдетъ, съ трупною, въ Лионъ; Мольеръ приглашенъ туда въ гости на каникулы.

Людовикъ. Я уничтожу эти каникулы и отпуски! Лионъ долженъ имѣть свой театръ. Деларивъ! я надѣюсь, вы исполнили мое порученіе.

Деларивъ. Подарки, которые ваше величество изволили послать ей, — она получила.

Людовикъ. Любезнѣйшій, это ничего не доказываетъ! Актрисы не застѣнчивы: онѣ иногда не слушаютъ своихъ вздыхателей, а подарки ихъ всегда принимаютъ.

Деларивъ. Кажется, письмо это отъ Арманды — оно отъ дамы.

Людовикъ. Письмо (*развертываетъ*) отъ Арманды! «Государь, я пишу къ вамъ въ величайшей горести. Запрещеніе Тартюфа... (*читаетъ дальше про себя*). Какъ можетъ монархъ.. возвышенныя правила... роль Эльмиры... позвольте мнѣ сегодня, не смотря на театральныя законы... изустно въ ложѣ... вашего величества (*громко*)... Великодушное покровительство художествъ и наукъ... запрещеніе Тартюфа — вѣчная благодарность вѣрнопопданнѣйшей Арманды» (*съ комическими негодованиями*). Лионнь, не понимаю, какъ можно запрещать пьесу, гдѣ есть такіа превосходныя роли! предполагать

во мнѣ такъ мало терпимости къ шуткѣ, сатирѣ... Понимаю, какое отношеніе можетъ имѣть это изображеніе лицемѣровъ къ *смирению*? Стоятъ ли заставлять меня рѣшать дѣла, которыя должны бы молча идти своимъ естественнымъ путемъ?

Лионнъ. Если вашему величеству угодно, такъ я немедленно сдѣлаю распоряженіе о дозволеніи представлять Тартюфа (*кланяется и хочетъ уйти*).

Лакей (*входитъ*).

Людовикъ. Еще кому-нибудь надо дать аудіенцію?

Лакей. Президентъ Ламуаньонъ.

Людовикъ. Ламуаньонъ? что этому нужно.

Лионнъ (*всторону*). Теперь я могу подождать...

V.

ЛАМУАНЬОНЪ (*входитъ*) и прежніе.

Людовикъ. Какъ, вы не въ церкви, президентъ? Въ это время вы обыкновенно бываете на молитвѣ...

Ламуаньонъ. Стремленіе видѣть ваше величество по возвращеніи изъ Версаля въ благополучномъ здравіи и юношеской красотѣ...

Людовикъ. Не было ли новостей въ Парламентѣ въ мое отсутствіе?

Ламуаньонъ. Дѣла во Франціи покоятся на такомъ прочномъ основаніи, что мало бываетъ новостей и перемѣнъ.

Людовикъ. Вообразите, Ламуаньонъ! Не смотря на это, мои совѣтники запрещаютъ невинную комедію, которая должна была играть, на моемъ театрѣ, для удовольствія парижанъ.

Ламуаньонъ. Ваше величество изволите говорить...

Людовикъ. О Тартюфѣ Мольера, поэта, котораго я высоко цѣню и уважаю. Можетъ ли хоть одинъ благородный человекъ обижаться тѣмъ, что фальшивыхъ монетчиковъ добродѣтели выставляютъ къ позорному столбу?

Ламуаньонъ. Вашему величеству обязанъ я тѣмъ, что при этомъ случаѣ узнаю что-нибудь о Тартюфѣ. Сцена такъ далека отъ того круга, на который устремляю я мои грѣшные взоры...

Лионнъ (*всторону*). Лицемѣръ!

Людовикъ. Чувствуете ли вы, какъ этотъ предметъ вѣрно достигаетъ цѣли, какъ онъ поучителенъ и какъ простъ?

Ламуаньонъ. Чрезвычайно простъ! въ настоящее время я со-

жалѣю только о бѣдной депутаціи, которая ожидаетъ, въ аванзалѣ, позволенія выразить вашему величеству благодарность всѣхъ вашпхъ вѣрноподанныхъ за запрещеніе Тартюфа.

Людовикъ (*удивленный*). Деларивъ!..

Деларивъ (*идетъ къ двери и отпираетъ ее*).

Людовикъ. Депутація, чтобъ благодарить меня за запрещеніе Тартюфа? ха, ха, ха! Сюда ихъ, этихъ комическихъ поздравителей! Право, будь здѣсь Мольеръ, онъ сдѣлалъ бы изъ этого чудную комедію!

VI.

ДЮБУА, ЛЕФЕВРЪ, ШАПЕЛЬ и прежніе.

Людовикъ. Добро пожаловать, господа парижане! что вы, добрый Дюбуа, дѣлаете въ этой депутаціи? Я совсѣмъ здоровъ. Поѣздка мнѣ очень помогла. Дюбуа! вы смотрите такъ торжественно? Не хотите ли и вы благодарить меня за запрещеніе Тартюфа?

Дюбуа. Да, государь, отъ имени парижскихъ врачей.

Людовикъ. Ха, ха, ха! Дюбуа! мнѣ кажется, у васъ замыселъ не противъ Мольера, а вы просто съ нимъ сговорились меня потѣшить.

Дюбуа. Ваше величество, къ чему поведетъ сцена, если она позволитъ себѣ отдавать на смѣхъ толпѣ—всѣхъ и каждого?

Людовикъ. Дюбуа—врачъ и протестуетъ противъ смѣха?.. Вѣдь смѣхъ единственное лекарство, котораго нельзя выписать изъ аптеки!

Дюбуа. Мольеръ хочетъ, мало-по-малу, уронить достоинство каждого искусства, каждого знанія. Теперь работаетъ онъ сатиру на врачей. Когда не станетъ довѣренности къ врачамъ, тогда, ваше величество, люди будутъ умирать, какъ мухи, и таблицы народонаселенія Парижа и провинцій представлятъ самые печальные результаты для вашей вѣрной арміи.

Людовикъ. Зачѣмъ нѣтъ здѣсь Конде, Тюрення, чтобъ сказать имъ, что Мольеровы комедіи обезлюдятъ Францію? Охъ, охъ, охъ! А вы, Лефевръ, вѣрно скажете, что комедіи Мольера введутъ во Франціи опасную моду—вести меньше процессовъ!

Лефевръ. Государь, я депутатъ огорченной палаты юстиціи. Парижскіе адвокаты много лѣтъ терпѣли отъ горькихъ стрѣлъ Мольера. Какъ ни чувствовали они, что практика ихъ видимо страдала отъ

этих выходовъ, но молчали. Въ Тартюфѣ же Мольеръ такъ далеко зашелъ, что грозитъ попойтъ экзекуторовъ, когда они, именемъ закона, приходятъ брать подѣ стражу не платящихъ должниковъ.

Людовикъ. До чего же мы дойдемъ, господа? Развѣ не довольно до-сихъ-поръ надобѣдали миѣ увѣреніями, что Расинъ, Корнель, Мольеръ, Буало и я, мы все вѣбѣтъ, возобновляемъ вѣкъ Августа?.. Кто этотъ господинъ?

Делларивъ. Шапель, членъ Академіи.

Людовикъ. Худо для славы академика, когда его не узнаютъ съ перваго взгляда! Вы вѣдь пришли не отъ имени Аристотеля?

Шапель. Государь, въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда музы имѣли честь лелѣять возвышенные сны вашего величества...

Людовикъ. Я сплю на очень низкой постели, г. Шапель.

Шапель. Въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда музы имѣли честь лелѣять сны...

Людовикъ. Я не сплю днемъ, Шапель, ну, чтожь тогда случилось?

Шапель. Ваше величество учредили Академію.

Людовикъ. Правда, правда: — зачѣмъ вы до-сихъ-поръ Мольера туда не приняли?

Шапель. Государь! актера, шутовскаго поэта, который не соблюдаетъ ни какихъ правилъ! Во имя этихъ правилъ, во имя вѣчныхъ законовъ искусства, смиренно и усердно умоляю ваше величество обратить благосклонный взоръ на упалокъ вкуса и отвратить его вашимъ высокимъ покровительствомъ отъ литературы, въ которой нововводители осмѣливаются подражать болѣе авторамъ испанскимъ, английскимъ, итальянскимъ, нежели вѣчнымъ образцамъ грековъ и римлянъ. Да, государь, вѣбѣсто того, чтобъ служить идеалу, Мольеръ беретъ свои сюжеты прямо, осмѣливаюсь сказать, съ улицы; — людей, которые намъ всякій часъ встрѣчаются на пути, переносятъ онъ, запыленцыхъ и грязныхъ, на сцену и заставляють ихъ говорить языкомъ, который все болѣе и болѣе подходитъ къ мѣщанской прозѣ жизни. О, ваше величество, въ его Тартюфѣ есть даже сцена, гдѣ лицемѣръ съ одной дѣвушкой срываетъ платокъ.

Ламуаньонъ. Держитесь настоящаго предмета!

Людовикъ. Платокъ?

Шапель. Да, государь! Тартюфъ подходитъ къ Эльмирѣ не со-всѣмъ съ эстетическими намѣреніями...

Людовикъ (всторону). Это роль Армаиды!

Шапель. Эльмира отгоняетъ Тартюфа прочь. Онъ же, въ

оправданіе, объясняетъ, что дотронулся до платка, который надѣтъ на Эльмиръ, только для того, чтобъ поощрить бумажную промышленность...

Ламуаньонъ. Вы слишкомъ вдаетесь въ подробности...

Людвикъ. Оставьте же его, президентъ! сцена, кажется, такъ оригинальна...

Шапель. Не о сценѣ говорю я, государь, не о вымыслѣ, а объ ужасной римѣ, которую авторъ позволилъ себѣ въ этомъ мѣстѣ, противъ всѣхъ правилъ метрики; именно въ одномъ стихѣ девятый слогъ, нѣтъ седьмой, или нѣтъ, девятый, или, нѣтъ, нѣтъ, седьмой, или — Академія подробно разобрала этотъ предметъ въ своемъ разсужденіи, которое я имѣю честь при семъ представить вашему величеству.

Людвикъ (*беретъ поданный ему фолиантъ и кладетъ на столъ*). О! я прочту эту маленькую брошюру, очень скоро прочту! я большой охотникъ читать!.. И такъ, цѣлое войско противъ одной комедіи! Г. президентъ, я обращаюсь къ вамъ; вникните совершенно въ душу вашего государя, сообразяте мое настоящее положеніе, изслѣдуйте мои сокровеннѣйшія мысли и потомъ дайте мнѣ на счетъ судьбы Тартюфа совѣтъ, какого я долженъ желать...

Ламуаньонъ. Государь... я... о Тартюфѣ?

Лионнь (*всторону*). Онъ обращается къ Ламуаньону: министерское мое положеніе становится опаснымъ...

Людвикъ. У меня здѣсь еще одно небольшое дѣло (*ищетъ въ прочихъ бумагахъ и говоритъ съ Деларивомъ*). Пусть Ламуаньонъ говоритъ! я начинаю чувствовать къ нему довѣренность...

Лионнь (*всторону*). Онъ получить мое мѣсто...

Ламуаньонъ (*всторону*). Убью себя; за то буду министромъ!

Лионнь (*поспѣшно*). Государь! теперь я постигаю ваши намѣренія!.. Милостивые государи, вы слышите, что его величество слишкомъ уважаетъ истинные интересы изящныхъ искусствъ...

Ламуаньонъ (*также*). И комедіи, для того, чтобы у любопытства публики...

Лионнь (*поправляетъ*). Удовольствія публики...

Ламуаньонъ. Удовольствія публики отнять представленіе, которое...

Лионнь. Черезъ которое...

Ламуаньонъ. Отъ котораго...

Лионнь. Отчего...

Ламуаньонъ. Черезъ что...

Людовикъ. О! у меня есть еще совѣтники, которые постигаютъ глубинну моего сердца! Вы слышите, господа, я не могу согласиться съ запрещеніемъ министра и совѣтую вамъ и пославшимъ васъ утѣшиться, идти на первое представленіе Тартюфа и вылечить свою мнительность самымъ искреннимъ рукоплесканіемъ, вмѣстѣ съ другими... я не могу запретить Тартюфа, потому-что, замѣтьте себѣ хорошенько, господа, во все времяна, съ того дня, какъ люди начинали скучать, они отыскивали себѣ опасныя развлеченія. Я хочу, чтобъ мои подданные — развлекаясь, учились быть добрыми и гнушаться пороковъ (*уходитъ нальво*).

Деларивъ (*слѣдуетъ за нимъ*).

Дюбуа (*смотритъ долго на Лефевра и потомъ отрывисто говоритъ*). Мое почтеніе! (*уходитъ*)!

Лефевръ (*смотритъ съ удивленіемъ на Шапеля*). Мое почтеніе! (*уходитъ*).

Шапель (*смотритъ съ удивленіемъ на Лионня*). Мое почтеніе, г. министр! (*уходитъ*).

Лионнь (*смотритъ на Ламуаньона со смѣхомъ*). Господи-ну будущему министру мое почтеніе (*уходитъ*).

Ламуаньонъ (*одинъ, виль себя*). Онъ остается министромъ и все пропало! Уничтожень, отданъ въ жертву, на посмѣяніе Парижу и цѣлому свѣту! Тартюфъ—это я! Оргонтъ—Дюплесси, Эльмира—Адель! Мольеръ, кто тебя ввелъ въ царство мертвыхъ? Духъ разума! Дай мнѣ совѣтъ! (*складываетъ руки*). Умоляю тебя, лукавство рысей, мудрость змѣй, изворотливость кошекъ, бросьте мнѣ одну только петлю, хоть самую тонкую, я вцутаю въ нее витригу.

· VII.

МАДЕЛЕНА и ЛАМУАНЬОНЪ.

Маделена (*всторону*). Опять мой Тартюфъ! Онъ право со-всѣмъ влюбленъ въ свою роль.

Ламуаньонъ (*бормочетъ, какъ будто молится*). Если бъ мнѣ удалось вдругъ сдѣлать Мольера ненавистнымъ королю!

Маделена (*всторону*). Онъ играетъ шестую сцену третьяго дѣйствія, признается въ своихъ грѣхахъ и хочетъ друга своего Оргонта тронуть смиреніемъ.

Ламуаньонъ (*какъ прежде*). Сатана, помоги мнѣ!

МАДЕЛЕНА. Bravo, г. Тартюфъ! Превосходно!

ЛАМУАНЬОНЪ. Чтѣ такое?

МАДЕЛЕНА. Точь-въ-точь какъ Мольеръ представлялъ эту сцену на пробѣ.

ЛАМУАНЬОНЪ. Кто вы? Зачѣмъ мѣшаете моему набожному занятію.

МАДЕЛЕНА. Послѣ Мольера, вы самый лучший актеръ въ Парижѣ. (всторону). Боже мой! Я себя выдамъ! Онъ меня узнаетъ.

ЛАМУАНЬОНЪ. А!.. вѣдь это... въ-самомъ-дѣлѣ... это Маделена.

МАДЕЛЕНА. Тише! Молчите, ради Бога!

ЛАМУАНЬОНЪ. Зачѣмъ вы сюда пожаловали—моя милая?

МАДЕЛЕНА. По дѣлу общаго нашего пріятеля. Вы знаете, что Тартюфъ запрещенъ?

ЛАМУАНЬОНЪ. О, радость! (спохватившись). Порадуйтесь! Его величество только-что разрѣшилъ.

МАДЕЛЕНА. Какъ? разрѣшилъ? вы сказали...

ЛАМУАНЬОНЪ. Чтѣ запрещеніе уничтожено! Теперь, плутовка, вы можете покорить всѣ парижскія сердца.

МАДЕЛЕНА. Ахъ! я въ состояніи теперь обнять васъ, расцѣловать, ничего, что вы такъ отвратительно-гадки. Вы просили за Тартюфа?

ЛАМУАНЬОНЪ. Экая плутовка! А зачѣмъ вы нарядились въ это платье?

МАДЕЛЕНА. Въ это платье? Послушайте, вѣдь вы другъ Мольера, любите театръ, такъ я вамъ расскажу. Милая моя, сказала мнѣ Арманда, на сценѣ тебѣ еще пѣтъ мѣста, такъ возьми вотъ это платье королевскаго пажѣ!.. Да чтѣ я дѣлаю? Седьмымъ параграфомъ театральнаго устава запрещается открывать закулисныя тайны...

ЛАМУАНЬОНЪ. И написала къ королю... не такъ ли, чтобъ онъ защитилъ Тартюфа,—угадалъ? (обнимаетъ ее) Мой золотой фазанчикъ!

МАДЕЛЕНА. Чтѣ вы! чтѣ вы! съ чего вы взяли? этаго никакъ бы не позволилъ Мольеръ.

ЛАМУАНЬОНЪ. Мольеръ? А тебѣ Мольеръ покровительствуетъ?

МАДЕЛЕНА. Мнѣ? Да чтѣ вы говорите? этаго бы Арманда не позволяла.

ЛАМУАНЬОНЪ. Арманда... Мольеръ.. тайная переписка...

МАДЕЛЕНА. Но мнѣ некогда... Мой воспитатель Матье хотѣлъ собрать всѣхъ парижскихъ москательщиковъ и идти съ ними къ королю, просить позволенія играть Тартюфа! Теперь пусть кричатъ: ура! Мнѣ хочется взглянуть на радость Мольера и Арманды и рассказать,

что вы спасли Тартюфа, а когда Мольеръ разъ 25 сыграетъ его, такъ я и объявлю ему, что знаю артиста, да еще старинной школы, который навѣрное когда-нибудь перещеголяетъ Мольера въ его роли; скажу, что знаю человека, который счастливъ тѣмъ, что ему удивляется, какъ Тартюфу, весь свѣтъ! (*убѣгаетъ*).

Ламуаньонъ (*одинъ*). Идея этой дѣвченки такъ наивна, что глупость ея легко можно счесть за остроуміе. Да кто она? Кто этотъ Матье? Кто мой злодѣй?

VIII.

ДЕЛАРИВЪ и ЛАМУАНЬОНЪ.

Деларивъ (*оглядывается кругомъ*). Вы еще здѣсь, г. президентъ? (*идетъ къ двери, за которою, по его мнѣнію, находится Маделена, открываетъ ее, и не находитъ*). Странно — она ушла.

Ламуаньонъ. Вы вѣрно, баронъ, ищите молодого пажа?

Деларивъ. Именно! не попался ли онъ вамъ на встрѣчу?

Ламуаньонъ. Это была актриса, Маделена Бежаръ, недавно авгажированная въ королевскую труппу.

Деларивъ. Что вы! это удвительно.

Ламуаньонъ. Неужели вы этого не замѣтили по формамъ?

Деларивъ (*всторону*). Что за зоркіе глаза у этихъ сморщенниковъ!

Ламуаньонъ. Маленькій пажъ соскучился. Услышавъ, что Тартюфъ позволенъ, онъ побѣжалъ, говоря: какое счастье для Мольера! (*съ удареніемъ*). Сборъ за Тартюфа пойдетъ директору нашей труппы, для давно-желанной свадьбы его съ Армандою. Не знаю я ни Арманды, ни Мольера, ничего не понимаю въ денежныхъ расчетахъ, говорю я, а пажъ продолжаетъ (*съ удареніемъ*): на другой день послѣ представленія Тартюфа, Мольеръ обвѣчивается съ актрисою, что играетъ Эльмиру.

Деларивъ (*удивленный*). Какъ? Мольеръ съ Армандою?

Ламуаньонъ. Однако мнѣ пора, стану просить у Бога прощенья, что такъ долго занимался впредками дѣлами (*уходитъ*).

IX.

ЛЮДОВИКЪ XIV и ДЕЛАРИВЪ.

Людовикъ. Наконецъ я отдыхаю! Хорошо ли объяснили посланному?

Деларивъ (*еще не ополнившись*). Ваше величество вѣроятно будете не меньше моего изумлены: сію минуту узналъ я, что представленія Тартюфа имѣютъ особенную цѣль.

Людовикъ. Денежную.

Деларивъ. Сборъ пойдетъ на приданое, которое Мольеръ хочетъ дать Армандѣ къ ея свадьбѣ.

Людовикъ. Къ ея свадьбѣ? какъ? съ кѣмъ?

Деларивъ. Съ самимъ Мольеромъ.

Лакей. Директоръ королевскихъ театровъ проситъ дозволенія имѣть честь представиться вашему величеству.

Людовикъ (*пораженный*). Мольеръ... Арманда... денежная цѣль?..

Лакей (*отворяетъ*).

X.

МОЛЬЕРЪ (*въ радостномъ волненіи*), и прежніе.

Людовикъ (*въ негодованіи*). Мольеръ! что я про васъ слышу? Вы намѣреши...

Мольеръ. Благодарить ваше величество за милость, которая дѣлаетъ меня счастливѣйшимъ пзъ смертныхъ.

Людовикъ (*гнѣвно*). Какъ, Мольеръ, неужели правда, что вы даде Тартюфа съ тайною цѣлью.

Мольеръ. Государь, у меня одна открытая цѣль — изоблчить лицемѣріе и оправдать добродѣтель.

Людовикъ. Это однѣ фразы! однѣ обыкновенныя фразы! мнѣ допесли совсѣмъ другое, сказали, что вы такъ чудесно написали Тартюфа потому только, что хотите кого-то осчастливить.

Мольеръ. Дай Богъ, ваше величество, чтобы всѣ мои пьесы имѣли эту же похвальную цѣль. Государь, Тартюфа запретили потому, что будто онъ опасенъ...

Людовикъ. Я говорю не о томъ.

Мольеръ. Потому-что онъ опасенъ, будто бы, для добродѣтели...

Людовикъ. Я говорю не о добродѣтели.

Мольеръ. Потому-что въ немъ отступлено отъ правилъ Аристотеля...

Людовикъ. Я говорю не объ Аристотелѣ.

Мольеръ. Ваше величество изволили уничтожить запрещеніе — и весь Парижъ въ радостномъ движеніи.

Людовикъ. Совѣтывалъ бы я Парижу оставаться въ покоѣ.

Мольеръ. Муниципалитетъ Парижа намѣренъ представиться, чтобъ изъяснить свою радость...

Людовикъ. Пусть муниципалитетъ пощадитъ мои уши! Мольеръ, я цѣню васъ, но, признаюсь, отъ васъ ужъ никому нѣтъ пощады!

Мольеръ. Ваше величество!..

Людовикъ. Да, да! развѣ не правда, Мольеръ, что вы спѣшите представить Тартюфа потому только, что...

Мольеръ. Что думаю взять въ Лионъ и передъ отъѣздомъ желалъ бы представить Парижу новую пьесу.

Людовикъ. Не эта одна причина. Планы ваши гораздо глубже. — Вы задумали совсѣмъ объ иной перемѣнѣ...

Мольеръ. Неужели и до вашего величества достигли слухи?.. Такъ, Государь, я люблю, люблю самую преданную, достойнѣйшую питомицу музъ, люблю ученицу свою Арманду и совершенно счастливъ тѣмъ, что люблю ея взаимно.

Людовикъ. Любимы взаимно?.. И на сборъ отъ Тартюфа вы хотите завестись хозяйствомъ? Какая проза! какая проза для поэта!

Мольеръ. Государь, на всѣхъ французскихъ монетахъ мы видимъ изображеніе самаго поэтическаго короля.

Людовикъ. Мольеръ, Тартюфа вашего защитилъ я отъ врачей, адвокатовъ, академиковъ, кажется, никто не можетъ найти въ немъ ничего предосудительнаго — а теперь слышу...

Мольеръ. Ваше величество, такое внезапное подозрѣніе...

Людовикъ. Вы такъ спѣшите, такъ торопитесь представить Тартюфа, а въ немъ есть мѣста трудныя, чрезвычайно трудныя.

Мольеръ. Повѣрьте, ваше величество, ансамбль идетъ превосходно.

Людовикъ. Право? даже въ сценѣ съ Эльмирой? Согласитесь, однако, если вы будете играть Тартюфа, а Арманда — Эльмиру, у васъ тамъ есть сцена съ платкомъ — это ужъ слишкомъ не деликатно; сцена эта выходитъ изъ границъ позволеннаго. Я хочу смѣяться въ театрѣ, такъ! но все же не на счетъ приличія.

Мольеръ (*улыбаясь*). Приличія, Государь?

Людовикъ. Да, въ сценѣ съ платкомъ есть что-то ужъ слишкомъ щекотливое. Она, можетъ-быть, и остроумна, она, можетъ-быть... да, однимъ словомъ, я нахожу, что она неприлична.

Мольеръ (*пораженный*). Неприлична, ваше величество?

Людовикъ. Именно! кто можетъ, не краснѣя, смотрѣть на такую сцену? Въдѣ театръ — не для того, чтобъ оскорблять вкусъ двусмысленностями. Мольеръ, сами скажите, когда вы подходите къ Армандѣ...

Мольеръ. Къ Эльмирѣ, ваше величество!

Людовикъ. Когда вы ей говорите: я, Мольеръ, я...

Мольеръ. Я, Тартюфъ, ваше величество!..

Людовикъ. Тартюфъ или Мольеръ, Мольеръ или Тартюфъ... все-таки дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ въ 1667 году... все же платокъ-то настоящій, руки настоящія.

Мольеръ. Ваше величество, сцена будетъ сыграна по возможности — скромно.

Людовикъ. Скромно ли, нѣтъ ли... въ подобныхъ вещахъ я руководствуюсь совершенно безошибочнымъ тактомъ (*вдали слышна музыка*). А съ котораго времени вы такъ коротки съ Армандою?

Мольеръ. Уже два года, какъ мы любимъ другъ друга.

Людовикъ. Идите! играйте свадьбу! Какая прозанческая свадьба (*всторону гильеи*)! Уже два года!

Мольеръ. Свадьба не можетъ быть, пока въ моихъ рукахъ не будетъ сбора отъ Тартюфа.

Людовикъ. Такъ очень жаль — вамъ придется подождать.

Мольеръ. Неужели, ваше величество?

Людовикъ. Я не говорю, что Тартюфа запрещаю... Но что это за музыка?

Деларивъ. Парижскіе граждане идутъ въ Лувръ принести вашему величеству отъ имени всего города благодарность за дозволеніе Мольеровой пьесы.

Людовикъ. Благодарность! благодарность! терпѣть я этого не могу — что за благодарность! эти демонстраціи только сердятъ меня! Нападенія на государство, Мольеръ, не могутъ меня беспокоить, потому-что государственное зданіе мое стоитъ крѣпко.. Пренебрегаю я нападками на наше правосудіе, потому-что люблю правосудіе; церковь жаловаться не можетъ, потому-что она не заступаетъ за лицемеровъ; нисколько не забочусь я объ Аристотелѣ — это дѣло Ака-

демин; но надо наблюдать приличіе, Мольеръ; объявите Парижу, что Тартюфа я не запрещаю; о, итъ, нисколько, но...

МОЛЬЕРЪ (*всторону*). Еще что придется услышать!

Людвикъ. Да, вотъ что! Мольеръ, пришлите мнѣ экземпляръ вашей комедіи. — Объявите Парижу, что Людвикъ XIV рѣшился ни запретить, ни дозволить Тартюфа, но что Людвикъ XIV, отдавая вамъ должную справедливость, рѣшился прочесть Тартюфа. (*Дѣлаетъ Делариву знакъ и уходитъ*).

Деларивъ. Бѣдный Мольеръ! Король дѣйствуетъ быстро, но читаетъ медленно (*Уходитъ за Королемъ*)!

МОЛЬЕРЪ (*почти въ обморокъ*). Что вооружило противъ меня Короля! (*Снаружи раздаются туши и виватъ. Двери открываются — видны члены депутаціи*).

XI.

МАТЬЕ (*въ полувоенномъ нарядѣ*). **МОЛЬЕРЪ**, потомъ офицеръ.

МАТЬЕ. Государь, отъ имени парижскаго гражданства (*торжественно выступаетъ и дѣлаетъ поклонъ*)! Ахъ, это вы, Мольеръ! гдѣ же король?

МОЛЬЕРЪ. Читаетъ Тартюфа.

МАТЬЕ. Запретилъ, или позволилъ?

МОЛЬЕРЪ. Это рѣшится черезъ два года!

МАТЬЕ. Черезъ два года! (*подходитъ къ окну*) Какая обида! по-крайней-мѣрѣ сейчасъ же отмѣню торжество... (*въ окно*) Тише, господа, король читаетъ!

МОЛЬЕРЪ. Что вы? въ Бастилію хотите! Идите Матье въ театръ и отъ моего имени скажите, чтобы сегодняшнія афиши были съ черной каймой. — Если публика спроситъ у меня о причинѣ, я явлюсь на сцену и скажу со слезами: современники! парижане! Злоба взяла верхъ! Мой Тартюфъ, который долженъ былъ изобличить лицемеръ — не будетъ данъ. — Знаю я, чья преступная рука сумѣла завѣсить мрачнымъ покровомъ подозрѣнія самый свѣтлый умъ Франціи, знаю и то...

МАТЬЕ. Что побѣда наша!.. я буду кричать въ райкѣ во все горло.

Офицеръ (*входитъ и ударяетъ Матье по плечу*). Милостивый государь!

МАТЬЕ. Что прикажете!

Офицеръ. Какъ нарушитель порядка, вы должны слѣдовать за мною.

Матье. На тѣсную квартиру?

Офицеръ. Въ Бастялю!

Матье. За что же?

Мольеръ. По чьему приказанію?

Офицеръ. По приказанію г. президента Ламуаньона.

Мольеръ. Ламуаньона! Да! теперь рѣшено! На твоей тюрьмѣ, Матье, на занавѣсѣ сцены, на страницахъ исторіи, напишу я, для начала битвы, сегодня вечеромъ, слова: парижане, я желалъ представить вамъ Тартюфа, но президентъ Ламуаньонъ (съ лукавымъ выраженіемъ) не хочетъ, чтобъ его представляли.

(Всѣ уходятъ).

(Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Комната Арманды въ театрѣ. Кругомъ лежатъ туалетныя и театральныя принадлежности, между-прочимъ, тюрбанъ и турецкій плащъ. На право и налѣво висятъ на вѣшалкахъ два ряда прекрасныхъ платьевъ, образуя шалеру, за которою можно спрятаться.

I.

ЛУИЗОНЪ, ЛАМУАНЬОНЪ (входитъ).

Луизонъ. Маделена Бежаръ живетъ нынче здѣсь у моей госпожи.

Ламуаньонъ. У Арманды—невѣсты великаго Мольера! квартира эта такъ близка отъ театра.

Луизонъ. Съ вашего позволенія, сударь, даже въ самомъ театрѣ. Корридоръ ведетъ отсюда прямо въ гардеробную актеровъ.

Ламуаньонъ. Акт...! Но вѣдь сама Маделена сегодня вечеромъ не занята!..

Луизонъ. Она все ждетъ своего перваго дебюта въ Тартюфъ. Да вотъ и она! (*уходитъ*).

II.

МАДЕЛЕНА, ЛАМУАНЬОНЪ.

Маделена. (*Входитъ со стороны, съ платьями на рукахъ*). Какъ? Что я вижу? Не къ Мольеру ли вы пришли—записаться въ королевскіе актеры?

Ламуаньонъ. Опять тоже странное заблужденіе, прелестное дитя мое.

Маделена. Что же васъ привело сюда? Или вы собираете подаяніе въ пользу бѣдныхъ? А мы въ страшномъ затрудненіи; публика ничего видѣть не хочетъ, кромѣ Тартюфа и нейдетъ въ театръ. Еслибъ мнѣ пришлось завтра дебютировать въ другой пьесѣ, такъ пожалуй, рецензентовъ человекъ двадцать наберется, но врядъ ли больше пяти человекъ со здравымъ смысломъ.

Ламуаньонъ. Мольеръ и Арманда въ театрѣ? я видѣлъ имена ихъ на афишѣ.

Маделена. Они играютъ для двадцати человекъ, сегодня не выручатъ и на освѣщеніе. Что же вамъ угодно?

Ламуаньонъ. Милая Маделена, меня очень печалитъ ваша участь и судьба вашего друга!

Маделена. Бумага Матъе опечатана.

Ламуаньонъ. Жаль, очень жаль!

Маделена. Домъ запертъ.

Ламуаньонъ. Это жестоко!

Маделена. И не найди я великодушной защиты у Арманды...

Ламуаньонъ. Такъ я предложилъ бы вамъ свои услуги, доставилъ бы вамъ лучший удѣлъ, котораго вы такъ достойны.

Маделена. Покорно васъ благодарю.

Ламуаньонъ. Маделена, отвѣчайте мнѣ на одинъ вопросъ: Бежаръ — это настоящее ваше имя?

Маделена. Что это вамъ вздумалось спрашивать? Сколько я помню, такъ меня все звали Маделена Бежаръ; конечно, это была фамилія моей родственницы, которая меня назвала своею дочерью.

Ламуаньонъ. Родители ваши рано умерли... какъ звали вашего отца?

Маделена. Это тайна: я имѣю причины ее скрывать.

Ламуаньонъ (*всторону*). Это она! не зная меня, она выдала меня Мольеру (*громко*). Отецъ твой умеръ насильственною смертію.

Маделена. Что такое?

Ламуаньонъ. Твоя мать скончалась вскорѣ потомъ, а пмя твое — Дюплесси?

Маделена (*бросается къ нему въ слезахъ*). Боже праведный! Вы знаете мое имя, вы знаете моихъ родителей, несчастныхъ моихъ родителей!

Ламуаньонъ. Да, Маделена Дюплесси, я зналъ твоего отца, твою мать.

Маделена. Ахъ, зачѣмъ же вы мнѣ тотчасъ этого не сказали! Отецъ мой, до своей болѣзни, любилъ актеровъ безъ ума.

Ламуаньонъ (*зньвно*). Оставь въ покоѣ актеровъ! (*ласково*) Ну продолжай, продолжай!

Маделена. У моего отца было столько друзей! Мы съ сестрою были еще дѣтьми, какъ онъ умеръ; но мнѣ рассказывали, что его всѣ любили и уважали. У него были истинные и ложные друзья, потому—что онъ былъ богатъ, очень богатъ; только одинъ изъ его ласкателей былъ страшный негодяй... Онъ втерся къ намъ въ домъ, жилъ у моихъ родителей... опуталъ ихъ своимъ лицемеріемъ и притворствомъ... отнял у отца имѣніе и жизнь, и потомъ, когда семейство осталось въ отчаяніи, ушелъ отъ насъ и, говорятъ, живетъ теперь въ Парижѣ знатнымъ баринномъ.

Ламуаньонъ. И все это ты рассказала Мольеру?

Маделена. Я? Мольеру?

Ламуаньонъ. Ты ему описала свою жизнь, когда онъ пріишалъ тебя въ труппу артистовъ.

Маделена. Съ чего вы это взяли?

Ламуаньонъ. Ты рассказала ему исторію своего семейства, которую онъ въ Тартюфѣ хотѣлъ представить, какъ зеркало современныхъ нравовъ.

Маделена. Изъ моихъ рассказовъ сдѣланъ Тартюфъ? Какой вздоръ. Правда, глядя на Оргонта, я вспоминала о томъ, что мнѣ рассказывали про моего бѣднаго отца, а злодѣя, чрезъ котораго родители мои сдѣлались бѣдны и несчастны, я представляла себя точно такимъ, какъ нарисовалъ Мольеръ Тартюфа, но никогда Мольеръ не спрашивалъ меня о моемъ происхожденіи.

Ламуаньонъ. И ты не лжешь?

Маделена. Что вы это?.. Какая невѣжливость!

Ламуаньонъ. Прости, Маделена, дочь моего несчастнаго друга, —

я былъ изъ вѣрнѣйшихъ друзей твоего отца! Какъ часто качалъ я тебя на своихъ колыскахъ, какъ часто ласкалъ тебя, когда твою мать, твоя прекрасная мать...

Маделена. Да какъ это вамъ пришло на умъ, что въ Тартюфѣ описана судьба моихъ родителей! Мать моя была женщина непорочная, ее никакъ нельзя сравнить съ Эльмирой.

Ламуаньонъ. Боже сохрани!.. (*всторону*). Каждый шагъ Эльмиры взять изъ жизни ея матери! (*громко*) Скажи мнѣ, дитя мое, не помнишь ли ты имя злаго врага твоего отца?

Маделена. Какъ же? его звали Жанъ-Батистъ Ламуаньонъ.

Ламуаньонъ. Какъ — ты знаешь?..

Маделена. Только, ради Бога, молчите, не говорите никому! мы должны бояться, чтобъ онъ насъ не открылъ. Родители мои умерли, начавъ съ нимъ процессъ; Ламуаньонъ, однакожь, выигралъ его во всѣхъ инстанціяхъ. Тогда нѣкоторые добрые люди пробовали просить этаго святошу за насъ, бѣдныхъ сиротъ, — но напрасно! Въместо того, чтобы позаботиться о нашемъ воспитаніи, онъ позволилъ разлучить насъ и преслѣдовать, отдавъ на волю злой судьбѣ. О сестрѣ своей, я съ-тѣхъ-поръ ничего не знаю, да и сама сидѣла бы теперь въ своей хижинѣ, въ Шалонѣ, еслибъ не поправилась одному богатому парижскому гражданину, доброму Матье; онъ привезъ меня сюда.

Ламуаньонъ. Такъ Матье разсказалъ Мольеру всю эту...

Маделена. Да какъ же онъ разсказалъ, когда самъ знаетъ меня только, какъ Маделену Бежаръ, воспитанницу его родственницы?

Ламуаньонъ (*всторону*). Мольеръ! Мольеръ! съ кѣмъ ты въ союзѣ? (*громко*) Мы здѣсь не одни?..

Маделена. Первая пьеса кончилась. Мольеръ обыкновенно отдыхаетъ въ комнатѣ Арманды.

Ламуаньонъ. Что? что? Въ этой комнатѣ?

Маделена. Вотъ онъ идетъ по лѣстницѣ... чего же вы боятесь?

Ламуаньонъ. Встрѣтятся здѣсь съ Мольеромъ! У меня есть причины именно сегодня пзбѣгать его.. Ради Бога, спрячьте меня...

Маделена. Да куда же я васъ дѣну. Станьте туда, за платье! Это гардеробъ Арманды для Тартюфа.

Ламуаньонъ. Что, если насъ подслушали! (*сильно грозя*) Молчать... или (*опомнившись*)... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, вы мой маленький шурчикъ! (*прячется за платье*).

III.

МОЛЬЕРЪ. *(Въ костюмъ знатнаго сициланца).* Пржегнѣ, потомъ
АРМАНДА.

Мольеръ *(входитъ медленно, утомленный).* Гдѣ Арманда?
Маделена. Она пошла переодѣваться для послѣдней пьесы...
Развѣ начался ужъ балетъ? Да вотъ и она!

Арманда *(одѣтая аркадской пастушкой).* А! Мольеръ!
Ну, каково сегодня плетъ?

Мольеръ *(садится и опирается головою на руку).* На сценѣ
пляшетъ больше ногъ, нежели въ театрѣ сидитъ зрителей. Печальный
вечеръ! Никогда еще не видалъ я такой пустоты...

Арманда. А мнѣ казалось, что народу довольно.

Мольеръ. Все на даровые билеты. Ни за одинъ не заплачено.
Я знаю свои доходы.

Ламуаньонъ *(всторону).* И у меня даровой билетъ, только
онъ мнѣ дорого обойдется.

Маделена *(начинаетъ поправлять платья).* Я стою, какъ
на угольяхъ.

Мольеръ. Убытковъ отъ запрещенной пьесы не перечесть!
Любопытство публики приковано къ одному предмету; прочее хоть
брось!

Ламуаньонъ *(всторону).* Онъ хочетъ заглушить свои чувства.

Мольеръ *(сидя).* Да! да! Вотъ оно—призваніе драматурга! Какая
смѣсь радости и горя, восторговъ и невыразимаго отчаянія! Всѣмъ
надо угодить—а люди такъ различны! Образованные требуютъ одной
пищи, толпа совсѣмъ другой, а безъ толпы—нѣтъ выгоды, нѣтъ поощре-
нія. Ужъ одна зависть театральныхъ поэтовъ другъ къ другу сама
по себѣ постыдна! Изъ сотни пьесъ въ годъ, едва дюжину наберешь
годныхъ для представленій! Что жъ тогда дѣлають отвергнутые?..
Мстятъ, пишутъ въ журналахъ! Да, съ исполнскими усиліями должна
новая пьеса пролагать себѣ дорогу, завоевывать актъ за актомъ,
сцену за сценой, да и при самомъ концѣ одинъ врагъ автора можетъ
уничтожить трудную работу цѣлаго вечера..

Маделена. Мольеръ, ты смотришь съ такой черной стороны...

Ламуаньонъ *(всторону)* Впередъ не пиши Тартюфовъ!

Мольеръ *(встаетъ).* А развѣ это не правда? Развѣ не было
случаевъ, что пьесы мои осивистывали люди, которымъ я забылъ
поклониться? Развѣ нѣтъ людей, оскорбленныхъ тѣмъ, что я пошу на

такую шляпу, какъ они; которымъ кажется, что носъ у меня не на мѣстѣ? Они ненавидятъ во мнѣ все: походку, платье, мину. Оставьте меня, если вы хотите стяжать названіе просвѣщенныхъ, благородныхъ гражданъ и литературу свою величать классическою; оставьте меня, если у васъ не хватаетъ духу помѣряться равнымъ оружіемъ съ поэтомъ и вступить въ честный бой съ простымъ безпомощнымъ словомъ!

Ламуаньонъ (*всторону*). Пропалъ я, если онъ въ этой ярости откроетъ меня!

Маделена. Примитесь за другую работу и забудьте о запрещеніи Тартюфа.

Мольеръ. Милое дитя мое, не весело перешагнуть чрезъ покойника,—да и вообще...

Ламуаньонъ (*всторону*). Покойника?.. Онъ, пожалуй, убьетъ меня!

Мольеръ (*обращаясь къ платьямъ*). Какіе это костюмы! Ахъ, да, вспомнилъ! Это должно быть траурныя платья для погребенія Тартюфа.

Маделена (*всторону*). Онъ откроетъ его! Боже мой! теперь...

Театральный слуга (*скоро говоритъ въ дверь*). Сей часъ его величество вошли въ ложу (*уходитъ*).

Всѣ. Король?!

Мольеръ. Въ пустой театр? Ничего! Пусть увидятъ, что дѣлаютъ лицедѣи съ его театромъ! Или Арманда — нѣтъ, нѣтъ, не хочу объ этомъ и думать... Ахъ! быть принуждену смѣяться, когда досада грызетъ сердце! Шутить сквозь слезы—это тоже такія представленія, за которыя, при входѣ, не платятъ денегъ, такія тайны театральнаго искусства, которыхъ не изслѣдовалъ ни одинъ критикъ! (*хочетъ уйти. Стучатъ въ дверь*). Что это? кажется, стучать?

Арманда (*умоляющимъ голосомъ*). Мольеръ!

Ламуаньонъ (*всторону*). Боже! общество-то увеличивается.

(*Опять стучатъ*).

Арманда (*всторону*). Какое-то предчувствіе!.. Маделена, посмотри, кто тамъ?

Маделена. Мнѣ что-то страшно...

(*Стукъ опять*).

Мольеръ. Арманда! кто этотъ таинственный посѣтитель?

Арманда (*всторону*). Что, если—(*громко и рѣшительно*).

Мольеръ! я желала бы, чтобъ это былъ одинъ изъ моихъ прежнихъ обожателей.

Мольеръ. Арманда!

Арманда. Отъ чего же не такъ? Лионнъ или Лезевръ!

Мольеръ. А! или король!

Ламуаньонъ (*всторону*). Боже мой!...

Арманда. Да, въ наказаніе за твою ревность я желала бы, чтобъ это былъ король! я спрятала бы тебя здѣсь за платьями.

Ламуаньонъ (*всторону*). И залѣзу въ какую-нибудь юбку.

Мольеръ. Арманда!... стало-быть вы все еще...

Арманда. Маделена, отвори дверь и оставь насъ! Мольеръ, твоя ревность безконечна;—должна же я тебя наконецъ вылечить!

(*толкаетъ Мольера за платья направо*).

Мольеръ (*медленно подвигаясь*). Теперь мнѣ все ясно!

Арманда. Маделена, отвори дверь и оставь насъ.

Маделена (*идетъ медленно, оглядывается и отпираетъ дверь*). Вотъ путаница! Она чѣмъ-нибудь ужаснымъ ковычется!

IV.

ЛЮДОВИКЪ XIV, прежніе.

Людовикъ (*входитъ закутанный*).

Маделена (*пугается и, поклонясь, уходитъ*).

Арманда (*всторону*). Король! я такъ и думала.

Ламуаньонъ (*всторону*). Онъ и есть!

Мольеръ (*всторону*). Такъ вотъ что!... А, змѣя!

Людовикъ (*въ глубинѣ сцены*). Чтѣжь вы тутъ дѣлаете? Хочешь въ первый разъ съ прїѣзду показать себя на сценѣ, ищешь Мольера, скучаешь отъ пустоты въ театрѣ... да тутъ тебѣ не рады... по неволѣ придешь къ намъ, Арманда, какъ бы ни противно было это госпожѣ Мольеръ.

Арманда (*кокетливо, мало обращая на него вниманія, и занимаясь своимъ гардеробомъ, всторону*). Вотъ трудная задача! (*громко*) Ваше величество, вы, какъ великій полководецъ, долго, кажется, сохраняете память мѣстности.

Людовикъ. Вы напоминаете мнѣ о проигранныхъ сраженіяхъ, госпожа Мольеръ?

Арманда. Ваше величество, какъ всегда, опережаете свой вѣкъ!.. Еще рано вести рѣчь о госпожѣ Мольеръ.

Людовикъ. Я сажусь, милая Арманда, на тотъ самый стулъ, гдѣ мнѣ пришлось ужъ такъ много послушаться вашихъ проповѣдей. Это настоящее сѣдалище скорбящихъ.

Мольеръ (всторону). Именно — сѣдалище скорбящихъ!

Людовикъ. Арманда, вѣрно вы меня не ожидали сюда послѣ моего послѣдняго пораженія?

Арманда (отворачивается отъ него, жемацно). А я сію минуту думала, что ваше величество изволите читать Тартюфа.

Мольеръ (всторону). Да онъ въ него и не заглядывалъ!

Людовикъ. Да, я прочелъ уже заглавіе, названіе дѣйствующихъ лицъ и первую сцену! Кажется, это самая лучшая комедія вашего мужа.

Мольеръ (всторону). Неужели ужъ одну сцену прочелъ!

Арманда. Мольеръ прочиталъ бы вашему величеству всю пьесу въ два часа.

Людовикъ. Ей-Богу, я не могу слышать чтенія вѣзухъ, у меня волненіе въ крови. Нѣтъ, нѣтъ, право я думаю, что когда-нибудь мы увидимъ еще Тартюфа на сценѣ.

Мольеръ и Ламуаньонъ (всторону). Развѣ по кончинѣ зѣра.

Людовикъ. Вы здѣсь одинъ?

Арманда. Нѣтъ, ваше величество, вокругъ меня вотъ платья, которыя жалуются и вздыхаютъ—эти пять чудесныхъ костюмовъ надѣялись завтра блистать въ Тартюфѣ.

Людовикъ. Жаль, право жаль! Вы должны быть удивительно хороши въ этой пьесѣ.

Арманда (холодно). Ваше величество не обратите большаго вниманія на то, поправлюсь я, или нѣтъ.

Людовикъ. Какъ—такъ?

Арманда. Я вижу, слабый интересъ, который я имѣла счастье возбудить въ глазахъ вашего величества, давно исчезъ...

Людовикъ. Чувство дружбы и любви?

Арманда. Ахъ! неужели вы имѣли ко мнѣ когда-нибудь чувство, которое могло бы назваться этимъ именемъ!

Ламуаньонъ и Мольеръ (всторону). Какое кекетство!

Людовикъ. Арманда, вы обращались со мною всегда такъ холодно, что наконецъ это должно было оскорбить меня. Два года тому назадъ, когда Мольеръ въ тиши образовалъ вашъ талантъ, вы вступили на сцену. Игра ваша восхитила меня; я сталъ искать личнаго знакомства. Ваша любезность оковала мое сердце. Порою казалось,

что любовь моя васъ интересуетъ, порою встрѣчали вы мои пламенные стремленія самую рѣзкою холодностью — потомъ вдругъ опять, какъ будто, блеснула мнѣ надежда, — а теперь, — вы дѣлаетесь г-жею Мольеръ....

Арманда. Кто это вамъ сказалъ?

Людовикъ. Развѣ вы еще не рѣшились, Арманда? сердце ваше развѣ не...

Арманда. Мольеръ взялъ меня къ себѣ, какъ бѣдную сироту, воспиталь, любить меня, но онъ ревнивъ до такой степени...

Ламуаньонъ и Мольеръ (*всторону*). Да это, кажется, очень естественно.

Людовикъ. Какъ все тревожно здѣсь въ театральномъ домѣ! Мольеръ васъ ревнуетъ? Да къ кому же? Можетъ-быть, ко всѣмъ, однако едва ли ко мнѣ?

Арманда (*кокетливо*). Вашему величеству угодно оскорблять меня?

Людовикъ. Оскорблять? Арманда, сегодня въ васъ что-то есть, что меня болѣе чѣмъ когда-либо обнадеживаетъ.

Мольеръ (*всторону*). Она меня съума сведеть.

Ламуаньонъ (*всторону*). Мнѣ бы только спастись — здѣсь есть чему поучиться.

Людовикъ. Я васъ спрашиваю, я спрашиваю васъ торжественно, Арманда: вы твердо рѣшились быть женой Мольера?

Арманда. Онъ нѣкоторымъ образомъ мой опекунъ... желаетъ этого... преслѣдуетъ меня, а въ жизни я совершенно одинока.

Людовикъ. О, Арманда! сохраните себя для тѣхъ, кто васъ любить! Примите сердце, отъ котораго тысячу разъ отказывались!... Вы молчите?

Мольеръ и Ламуаньонъ (*всторону*). Она молчатъ!...

Людовикъ. Зачѣмъ вы медлите, Арманда! о, говорите!... Можеть ли быть защита сильнѣе королевской?... Вы не рѣшаетесь?

Мольеръ и Ламуаньонъ (*всторону*). Она не рѣшается.

Арманда. Ваше величество!... Эта внезапность... удивленіе... эта перемена обстоятельствъ.

Людовикъ. Я даю вамъ время — подумайте о томъ, чего я желаю... Я слышу шумъ... Развѣ мы не безопасны здѣсь?

Арманда. Начинается второе дѣйствіе балета, Мольеръ можетъ всякую минуту позвать меня.

Людовикъ. Я иду; но завтра дайте мнѣ знать, могу ли я говорить съ вами послѣ спектакля

Арманда. Я завтра замучена пробами.. Мольеръ меня рѣшительно закидалъ ролями.

Людовикъ. Скажитесь больною.

Арманда. Онъ называетъ это театральною болѣзнию. Позвольте! Вотъ что я придумала: я вамъ дамъ знать во время игры...

Людовикъ. Во время игры?

Арманда. Публика часто не воображаетъ, что артистъ вмѣстѣ съ своей ролью, въ то же время играетъ другую еще съ кѣмъ-нибудь въ театрѣ.

Людовикъ. Безподобно!

Арманда. Завтра, послѣ спектакля, я приму ваше величество здѣсь, когда буду увѣрена, что Мольеръ не придетъ сюда. Мольеръ не приходитъ сюда, если я съ нимъ поссорюсь, поспорю. Миѣ бы надо съ нимъ завтра сыграть сцену.

Людовикъ. Превосходно!

Арманда. Не задолго до представленія я начну съ нимъ споръ о костюмѣ и если хитрость удастся, тогда миѣ можно будетъ...

Людовикъ. Вашимъ костюмомъ дать миѣ знать?

Арманда. Костюмомъ?

Людовикъ. Въ случаѣ моего счастья, вы наденете голубой платокъ. Вы думаете — нельзя?

Арманда. Это не годится; къ завтрашней моей роли платокъ никакъ нейдетъ.

Людовикъ. Ну, такъ другой какой-нибудь знакъ.

Арманда. А платокъ былъ бы очень кстати, это чрезвычайно удобно.

Людовикъ. Да неужели нѣтъ пьесы, гдѣ бы можно было употребить платокъ?...

Ламуаньонъ (*вытягивается въ отчаяннѣе и предчувствіи*). Платокъ?

Арманда. Есть еще пьеса, гдѣ нуженъ голубой платокъ, это: школа женщинъ, да ее завтра играть нельзя — одинъ актеръ боленъ. Идутъ... Боже!

Людовикъ (*толкаетъ ногою*). Да скажите же миѣ: какую еще пьесу можно завтра играть, гдѣ нуженъ голубой платокъ?

Арманда. Ваше величество... Тартюфъ!

Людовикъ. Тартюфъ?

Арманда. Это единственная пьеса, гдѣ миѣ можно употребить платокъ... ужъ звонили, нѣтъ ни минуты времени. Видите, государь, этого не можетъ быть...

Людовикъ. Чего не можетъ быть! Тартюфа не можетъ быть? хмъ, хмъ! Тартюфа не можетъ быть? Тартюфъ вѣдь готовъ — вѣдь эту пьесу хоть сію-минуту можно представить?

Арманда. Но подумайте... Тартюфъ!...

Людовикъ. Тартюфъ, конечно... конечно .. Тартюфъ... вчерашняя проклятая рѣчь Мольера къ публикѣ! Ламуаньонъ... смиренникъ... но турчанки... аркадскія пастушки не надѣваютъ платковъ... для платка надо бы играть Тартюфа...

Ламуаньонъ (*смотритъ въ оцѣпененіи всторону*). Что такое?

Мольеръ (*слѣдитъ за игрой Арманды съ восхищеніемъ*).

Арманда. Подумайте, ваше величество, какъ можно дать Тартюфа!

Людовикъ. Конечно, конечно, какъ вспомню, точно есть трудность! Ба! Да развѣ пострадаетъ оттого Франція, что будетъ играть Тартюфъ!..

Арманда. Врачи..

Людовикъ. Ну что же, врачи...

Арманда. Адвокаты...

Людовикъ. Что жъ, адвокаты...

Арманда. Неприличныя сцены съ платкомъ.

Людовикъ. Съ платкомъ? съ платкомъ! Я и забылъ совѣтъ! Это лучшая сцена во всей пьесѣ. Тутъ вамъ представляется самый удобный случай сказать мнѣ все, безъ малѣйшаго принужденія. Если платокъ будетъ желтый — такъ я не приду вечеромъ! Если голубой, значитъ хитрость удалась, значитъ у васъ была съ Мольеромъ сцена, значитъ онъ оставитъ васъ вечеромъ въ покоѣ, и я — счастливѣйшій изъ смертныхъ! Теперь я оставляю васъ! Прелестъ ангелъ, обожаемая Арманда. (*Уходитъ. Арманда нѣжно провожаетъ его до двери. Лишь только онъ вышелъ, она хлопаетъ радостно въ ладоши*).

Мольеръ (*выходитъ, покрасивъвъ отъ радости и стыда*). Арманда! возможно ли? ты спасла Тартюфа.

Арманда. Что скажешь теперь, ревнивецъ!...

Мольеръ. Ахъ, я не помню себя отъ восторга! Арманда! Небесное, чудное созданіе! поидемъ скорѣй къ нашимъ собратіямъ — объявить имъ радостную вѣсть: Тартюфъ спасенъ! спасенъ любовью! (*оба уходятъ*).

(*Ламуаньонъ вынутаивается изъ платьявъ и глядитъ въ оцѣпененіи кругомъ. Долгая пауза*).

Ламуаньонъ (*виль себя*). О небо!... Дѣло вѣрнѣйшаго расчета, общій трудъ ученыхъ, привлегированныхъ сословіи цѣлой Франціи — уничтожено, разрушено платкомъ, кокетствомъ комедіантки!

Маделена (*быстро отворяетъ*). Вѣсть вы гдѣ! порядкомъ я за васъ потрусела. Въ театрѣ все въ радости и въ движеніи: Тартюфа позволили! (*За сценой угрожающій ропотъ*). Слышите ли этотъ шумъ?

Ламуаньонъ. Что это значитъ?

Маделена. Сторожа видѣли того, кто, недѣлю тому назадъ, украсть суфлерскую книгу Тартюфа, — говорятъ онъ здѣсь, — они его вездѣ ищутъ.

Ламуаньонъ. Еще этого не доставало

Маделена. Боже! у меня какое-то предчувствіе, теперь понимаю я, отчего вы могли Тартюфа знать наизусть... несчастный!...

Ламуаньонъ (*трепещетъ*). Удивленіе къ Мольеру... почитаніе генія... изученіе источниковъ.

Маделена. Успокойтесь! я спасу васъ, потому-что вы были другомъ моихъ родителей (*скидаетъ съ него парикъ*). Этотъ парикъ можетъ завтра Мольеръ надѣть въ Тартюфа! Вотъ плащъ! Вотъ тюрбанъ! (*Она надѣваетъ ихъ на Ламуаньона*). Подумають, что вы актеръ. Я проведу васъ подъ видомъ мусульманина чрезъ опасность.

Ламуаньонъ (*одѣтый туркомъ*). Ахъ! какъ мы далеко зашли! Правовѣрные должны рядиться мусульманами!

(*Оба уходятъ*).

ДѢЙСТВІЯ ПЯТОЕ.

Театръ представляетъ переднюю передъ королевской ложей. Спереди комната, въ родѣ корридора, освѣщена люстрой. — Зеркало, кресло. Среди задней стѣны задернутый занавѣсъ. Если отдернуть его, то видны въ перспективѣ рампа королевской ложи и театръ. Вначалѣ занавѣсъ задернутъ.

I.

МОЛЬЕРЪ.

(*Входитъ одѣтый уже къ спектаклю Тартюфомъ. Онъ разительнѣе похожъ на Ламуаньона и смотрится въ зеркало*).

Маска хороша! я не желалъ избѣжать сходства съ президентомъ. Я ли это? Да, это я! Гдѣ Маделена откопала такой парикъ! Опъ какъ будто нарочно сдѣланъ для Тартюфа... Итакъ пришла минута, которую я такъ пламенно ждалъ, минута—не мщенія, нѣтъ, но воздаянія, отплаты. Съ трехъ часовъ ужъ публика тѣснится на улицахъ. У кассы полиція съ трудомъ удерживаетъ порядокъ. Миѣ грустно, какъ воину предъ сраженіемъ.—Что, если Арманда, въ-самомъ-дѣлѣ, надѣнетъ голубой платокъ — нѣтъ, — нѣтъ, — она поможетъ миѣ одержать побѣду въ войнѣ, которую я началъ для нея. Она—дочь Дюлесся! Ей обязанъ я этимъ сюжетомъ. Тамъ ложа принцевъ, здѣсь ложа короля. — Еще нѣсколько минутъ и любимицы соберутся въ этой залѣ (*притодинаетъ занавѣсъ*). Оттуда смотритъ сегодня король на Эльмиру Дюлесси, трепещетъ — какъ я; — я еще хочу немного успокоиться и собраться съ духомъ. Да гдѣ же миѣ меньше всего могутъ помѣшать, какъ не здѣсь! Не одинъ ужъ принцъ бралъ на себя роль актера; пусть же одинъ разъ актеръ попокоится хоть на креслѣ короля!

(Входитъ во внутренность ложи, занавѣсъ за нимъ опускается).

II.

ДЮБУА, ЛЕФЕВРЪ. Потомъ ШАПЕЛЬ. Наконецъ ЛЮННЬ и ДЕЛАРИВЪ.

Дюбуа. Надо сбѣгать въ корридоръ... перевести духъ...

Лефевръ. Театръ полнехонекъ до самаго верху.

Дюбуа. У кассы должно быть пропасть народу перетискано и черерачено.

Лефевръ. Доказательство, что врачамъ вовсе нечего жаловаться на Тартюфа.

Дюбуа. При сатирѣ на адвокатовъ—я съ васъ глазъ не спущу.

Лефевръ. Король хотѣлъ принять въ своей ложѣ всѣ депутаціи, которыя были противъ Тартюфа.—Наше несчастіе, по-крайней-мѣрѣ, приноситъ намъ большую честь! Ага! посмотрите: нашъ достойный другъ Шашель!

Дюбуа. Опъ погруженъ, кажется, въ глубокія исчисленія.

Шашель (*входитъ, глубокомысленно считая по пальцамъ*).

Лефевръ. Что ты — сборъ считаешь, почтенный другъ?

ДЮБУА. Или зрителей? я насчиталъ больше двухъ тысячъ чело-
вѣкъ.

ШАПЕЛЬ. Я рассчитываю: если все такъ продолжится, такъ
во сколько лѣтъ вкусъ во Франціи совершенно погибнетъ....

ДЮБУА. До-тѣхъ-поръ, покуда академики будутъ писать стихи,
можно, по-крайней-мѣрѣ, надѣяться, что не всегда театръ будетъ
такъ полонъ, какъ сегодня.

ЛЕФЕВРЪ (*иронически*). И вообразите себѣ, Дюбуа, сюжетъ
принадлежитъ Шапелю! ему первому пришла мысль вывести на сцену
ханжу.

ШАПЕЛЬ. Совершенная правда: это была моя оригинальная мысль.
(*Входятъ Лионнъ и Деларивъ*).

ДЕЛАРИВЪ. Король скоро будетъ.

ЛИОННЪ. Онъ только-что подписалъ освобожденіе зачинщиковъ
беспорядка, они вѣдь заплатились Бастиліею — за страстную любовь
къ пьесѣ, отъ позволенія которой я до-сихъ-поръ еще не опомнилъся.

ШАПЕЛЬ. Къ счастью, лавочникъ Матье, по приказанію прези-
дента Ламуаньона, не попалъ въ это число. Онъ одинъ изъ самыхъ
опаснѣйшихъ клакѣровъ!

ЛЕФЕВРЪ. Ламуаньонъ? Такъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ,
со времени рѣчи Мольера къ публикѣ, относитъ Тартюфа къ одному
себѣ. Въ бумагахъ Матье нашлись доказательства, что Маделена
собственно называется — Дюплесси!

ЛИОННЪ И ДЮБУА. Дюплесси?

ЛЕФЕВРЪ. По имени того несчастнаго семейства, о которомъ съ
такою страстью говорилъ Мольеръ; также въ старыхъ актахъ открылъ
я, къ удивленію, что дѣти Дюплесси двѣнадцать или четырнадцать
лѣтъ вели упорный процессъ противъ Ламуаньона.

Всѣ. Ламуаньона?

ДЕЛАРИВЪ (*подходя къ занавѣсу*). Какъ безпокойна публика!
какой шумъ! подумаешь, что...

III.

МОЛЬЕРЪ входятъ. Прежніе.

Всѣ. Президентъ!

ЛИОННЪ. Онъ и есть! Я удивляюсь, что вижу васъ въ театрѣ.

ДЕЛАРИВЪ. Королевскіе актеры никогда еще не имѣли чести
представлять. . видѣть г. президента Ламуаньона.

ЛЕФЕВРЪ (*всторону*). Безъ сомнѣнія... онъ и есть Тартюфъ.

МОЛЬЕРЪ (*въ замѣшательствѣ*). Развѣ я представляю президента?...

ДЮБУА (*всторону*). Онъ принимаетъ намеки пьесы на себя... кажется онъ ужъ помѣшался...

ШАПЕЛЬ. Г. президентъ, будьте увѣрены, что я все сдѣлаю, чтобъ эту Мольерову сатиру разгромить въ пухъ во всѣхъ газетахъ, вы увидите, что во Франціи есть еще перья...

МОЛЬЕРЪ. Гусицыя!...

ШАПЕЛЬ. Гусицыя?

ЛІОННЬ (*всторону*). Въ-самомъ-дѣлѣ онъ, должно-быть, ужъ но въ своемъ умѣ. (*Громко*). Г. президентъ, развѣ участь семейства Дюплесси вамъ такъ близка къ сердцу!

ЛЕФЕВРЪ. Вѣдь, безъ сомнѣнія, вы знаете, что сегодняшняя молодая дебютантка, Маделена, одна изъ несчастныхъ дочерей Дюплесси?

МОЛЬЕРЪ (*внп себя*). Неужели!...

ЛЕФЕВРЪ. Изъ буматъ Матъе, которыя вы велѣли запечатать, видно, что вы въ домѣ родителей этой дѣвушки...

МОЛЬЕРЪ. Родителей?.. Маделена... сестра Арманды? Боже! я слышу звонокъ суфлера... первый знакъ... вѣсть о Маделенѣ... А! въ третьемъ дѣйствіи, милостивые государи, мы снова увидимся...

(*Уходитъ*).

Всѣ (*смѣясь*). Мольеръ!

ШАПЕЛЬ. Мольеръ въ роли Тартюфа!

ЛІОННЬ. Удивительно! Живой президентъ!

ЛЕФЕВРЪ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, Ламуаньонъ—Тартюфъ, Ламуаньонъ (*всторону*)... ложный другъ Дюплесси.

ДЕЛАРИВЪ. Это будетъ величайшая изъ всѣхъ Мольеровыхъ ролей! Взгляните только на этотъ безконечно-полный театр! Подойдите сюда! на одну минуту только! (*поднимаетъ занавѣсъ*).

Всѣ (*входятъ мало-по-малу осторожно въ ложу, но нейдутъ къ периламъ, однакожъ занавѣсъ за ними опускается*).

IV.

ЛАМУАНЬОНЪ (*входитъ осторожно*), потомъ прежніе.

ЛАМУАНЬОНЪ. Итакъ рѣшено, и сегодняшній вечеръ, безъ особаго чуда, не отодвинется назадъ. Весь Парижъ взволнованъ.

Всѣ хотятъ видѣть смиренника на сценѣ. Слова сатиры замѣчены и въ извѣстныхъ мѣстахъ, гдѣ намеки очень ясны, разразится страшный восторгъ! Друзья мои писали ужь въ Римъ: запрещеніе комедіи скоро прилетитъ, но къ сегодняшнему вечеру... опоздаетъ... и все это... я бы выдалъ королю интригу, не открой я ее въ такомъ опасномъ мѣстѣ.—Онъ долженъ здѣсь проходить... если бъ у меня достало духу; здѣсь одно безопасное мѣсто въ театрѣ...

(Презніе выходятъ изъ-за занавѣсы).

Лионнъ. А! Мольеръ! Развѣ еще рано?..

Деларивъ. Видь такого полного театра, Мольеръ, обворожительнѣе...

Дюбуа. Эта толпа, кипящая ожиданіемъ...

Лефевръ. Вы, кажется, очень встревожены тѣмъ, что Маделена Бижаръ собственно Маделена Дюплесси...

Ламуаньонъ *(всторону)*. Боже! они принимаютъ меня за Мольера!

Шапельъ. Конечно, г. Мольеръ, вы не выдумывали этого сюжета. Я слышалъ, что вы намъ подарили, въ вашемъ Тартюфѣ, истинную исторію...

Ламуаньонъ. За кого вы меня принимаете?

Деларивъ. За величайшаго комическаго поэта Франціи, за вѣрнѣйшаго живописца нравовъ своего времени, за образецъ для позднѣйшихъ столѣтій.

Лионнъ. Дѣ, Мольеръ, если бъ вы пощадилъ полицію...

Дюбуа. Если бъ вы пощадилъ врачей...

Лефевръ. Если бъ вы, Мольеръ, пощадилъ нотаріусовъ...

Шапельъ. Мольеръ, если бъ вы пощадилъ академикомъ...

Ламуаньонъ. Милостивые государи! я — президентъ Ламуаньонъ!

Лионнъ. Но такъ разительно похожи...

Деларивъ. Неподражаемо скопированъ!

Дюбуа. Васъ встрѣтитъ громъ рукоплесканій!

Лефевръ. Страхъ, замѣшательство злодѣя такъ вѣрно выражены у васъ на лицѣ; думаешь, что вы стоите возлѣ маленькой крестьянки и разговариваете о Лиможской бумажной промышленности...

Ламуаньонъ. Вы хотите меня съума свести?

Дюбуа. Это изступленіе ярости вамъ будетъ очень къ лицу, когда ваши безсовѣстные дѣла въ домѣ Дюплесси выйдутъ наружу,

когда духъ обманутой Адели, голоса безпомощныхъ дѣтей, принужденныхъ вами искать себѣ пропитанія на сценѣ...

(За сценой начинается увертюра).

ДЕЛАРИВЪ. Начинается увертюра...

Всѣ *(всторону)*. Король!

V.

ЛЮДОВИКЪ и прежніе *(всѣ глубоко кланяются)*.

Людовикъ *(ходитъ, скрестивши на груди руки, въ большомъ волненіи взадъ и впередъ)*. Добрый вечеръ, господа!.. ахъ! Ламуаньонъ.. здравствуйте Ламуаньонъ!.. какъ вы попали сюда? Сколько люди припомнить могутъ, — васъ никогда не видали въ театрѣ...

Лионнъ. Государь, это Мольеръ — въ роли Тартюфа...

Ламуаньонъ *(всторону)*. Я погибаю...

Дюбуа. Мы всѣ начинаемъ слѣдовать возвышенному примѣру вашего величества, — помирились съ Тартюфомъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ Мольеръ выбралъ такую разительно-схожую характерную маску.

Ламуаньонъ. Государь!

Людовикъ. Это правда. Какимъ бы образомъ президентъ попалъ въ грѣховный театръ? обманъ удивителенъ! *(всторону)*. Это Мольеръ; — у меня ятъ духу смотрѣть ему въ глаза *(громко)*. Господа, войдемте въ ложу!

Шапель. Государь, какая честь!

Людовикъ. Всѣ, всѣ бывшіе враги Тартюфа! Мольеръ, идите теперь къ своему дѣлу! Вы, кажется, разстроены? не было ли у васъ какой-нибудь маленькой неприятности за кулисами? Пойдемте, господа! ваши враги, Мольеръ, принуждены будутъ, смотря на меня, по моему примѣру, аплодировать. *(Онъ идетъ впередъ и лишь только подходитъ къ рампѣ, раздается громъ рукоплесканій. Увертюра превращается въ шумъ и потомъ умолкаетъ)*.

Дюбуа. А! аплодируютъ за то, что пьеса позволена *(идетъ всльдъ)*.

Шапель. Пойдемте всѣ вмѣстѣ, чтобъ намъ всѣмъ вмѣстѣ аплодировали! *(Прочіе идутъ впередъ. Занавѣсъ остается открытымъ)*.

Ламуаньонъ (*одинъ впереди, слытсь смѣхомъ отчаянiя*). Ха, ха, ха, ха! Они принимаютъ меня за Мольера! И Дюплесси между ними и запоры съ моихъ сокровищницъ спадаютъ и обвиняютъ меня!.. Сцена началась... я ужъ слышу убійственные стихи... теперь выйдетъ Эльмира... Какъ король наклоняется чрезъ рампу... начинается сцена съ платкомъ (*извиня аплодируютъ*). Хлопайте! Вы ужъ попробовали моей крови... жажда растетъ... дальше, дальше!.. Увидимъ, чьи зубы лучше. Еще секунда и Эльмира выйдетъ (*аплодируютъ еще сильнѣе*). Га! это она! Король наклоняется... платокъ...

Людовикъ (*вдругъ встаетъ и идетъ медленно впередъ. Прочiе пропускаютъ его и группируются въ почтительномъ отдаленiи*).

Ламуаньонъ (*прижимается совсѣмъ къ сторонѣ*). Платокъ... желтый!..

(*Большая пауза*).

Лионнъ (*всторону*). Что-нибудь оскорбило Короля!

Дюбуа (*всторону*). Можетъ-быть намекъ...

Шапель (*всторону*). Или дурной стихъ...

Ламуаньонъ (*про себя*). Платокъ былъ желтый!

Деларивъ. Ваше величество, не изволите ли чего приказать?

Лионнъ. Языкъ пьесы не кажется ли вашему величеству слишкомъ свободнымъ?

Шапель. До-сихъ-поръ, я насчиталъ уже шесть фальшивыхъ рнѣмъ.

Лионнъ. Вашему величеству не угодно ли прекратить...

Дефевръ. Приказать...

Людовикъ (*садится и опирается головой на руку*). Ужасно! ужасно, если она меня обманула!

Ламуаньонъ (*злобно всторону*). Ха, ха! костюмъ неудаченъ... желтый платокъ... (*въ театръ аплодируютъ*).

Лионнъ. Прикажете, ваше величество? я скажу, чтобъ сию-минуту опустили занавѣсь.

Шапель. Дѣ! Людовикъ XIV—все-таки Людовикъ XIV!

Людовикъ. Шапель! это гениальнѣйшая мысль, которую вы когда-либо произносили? Что это? Мольеръ? Вы еще здѣсь?

Ламуаньонъ. *(Собирается съ духомъ, говоритъ рѣшительно)*. Государь, позвольте мнѣ осмѣлиться сообщить вамъ...

Людовикъ. О чемъ?

Ламуаньонъ. Объ одной гардеробной принадлежности, о платкѣ Эльмиры.

Людовикъ. Какъ? вы знаете?.. Господа *(показываетъ на ложу)* идите дальше! оставьте насъ однихъ!

(Все кланяются и идутъ въ глубину ложи).

Ламуаньонъ. Государь, разрешите меня отъ этого жестокаго недоразумѣнія! Я—президентъ Ламуаньонъ?

Людовикъ. Въ-самомъ-дѣлѣ! Да, ей Богу, вы—Ламуаньонъ... Что вы знаете про Эльмиру?

Ламуаньонъ. Благородное чувство Людовика обмануто кокетствомъ женщины... Чтобъ только сдѣлать возможнымъ представленіе Тартюфа, изобрѣли хитрость.

Людовикъ. Какъ? Для того-то и требовала Арманда...

Ламуаньонъ. Знака голубымъ платкомъ!

Людовикъ. Ужасно! невыносимо! Да откуда жъ вы все это знаете?

Ламуаньонъ. Я познакомился случайно съ той молодой дебютанткой, что сегодня въ первый разъ...

(За сценой аплодируютъ).

Людовикъ. Чему тамъ опять аплодируютъ?

Дюбуа *(отвѣчаетъ изъ ложи)*. Выходу молоденькой Бежаръ—Дюпlessи.

Ламуаньонъ. Молодой дѣвушки, которая поручена Шапелемъ моему покровительству.

Людовикъ. Шапелемъ? Вы протепяруете молодой дебютанткѣ? Она-то и выдала хитрость Арманда?..

Ламуаньонъ *(всторону)*. Она теперь играетъ... Бояться мнѣ нечего! *(громко)*. Ваше величество.

Людовикъ. Ужасно!.. Я думаю—это она говоритъ— или другая? У малютки, кажется, прекрасный голосъ.

Ламуаньонъ. Вашему величеству угодно, чтобы представленіе было прекращено?

Людовикъ. Обмануть! преданъ!.. Страшно, что мнѣ не представили эту маленькую Маделену (*аплодируютъ*). Она, кажется, нравится?

Ламуаньонъ. Пьесу, вѣдь, не будутъ играть далѣе?

Людовикъ (*всторону*). Безсовѣстно, безсовѣстно! (*громко*). Деларивъ, что, есть у малютки талантъ?

Деларивъ. Превосходный! увлекательный!

Ламуаньонъ. Государь, пьеса, вѣдь, кончится?

Людовикъ. Послѣ этого дѣйствія! натурально! однакожъ, мнѣ жаль Маделену Бежаръ; — отчего это у ней двойное имя—Дюплесси?..

Ламуаньонъ. Опустить завѣсь?

Людовикъ. Нѣтъ еще!

Ламуаньонъ. Не правда ли, завтра напишутъ въ журналахъ: пьеса была играна до конца перваго акта, но его величество оставилъ свою ложу послѣ первой сцены?

Людовикъ. Безъ сомнѣнія! Это самый лучшій предлогъ!

(*За сценой аплодируютъ*).

Ламуаньонъ. О дьявольскія руки!

Людовикъ. Деларивъ, нравится она?

Деларивъ. Сцена? Всѣмъ, всѣмъ, государь.

Людовикъ. Хорошо она костюмирована?

Деларивъ. Кто? сцена?

Людовикъ. Нѣтъ! новая дебютантка.

Деларивъ. На ней голубой платокъ.

Людовикъ (*встаетъ*). Голубой платокъ? Вотъ какъ! Эта Маделена должна быть прелестна; она кажется такая миленькая, наивная.

Ламуаньонъ. Государь, прикажите карету?

Людовикъ. Президентъ! я всегда охотно наблюдаю за развитіемъ молодыхъ талантовъ (*аплодируютъ*). Она должна превосходно играть. Жестоко было бы, еслибъ я захотѣлъ оскорбить ее и ухватъ теперь! Президентъ, покажѣтъ не нужно статьи въ журналахъ!

Ламуаньонъ (*випъ себя*). Но государь!....

Людовикъ. Деларивъ! (*Деларивъ приходитъ изъ ложи*). Я вотъ что думаю: прѣехали мы сюда, чѣмъ еще заняться—не знаемъ; не лучше ли досмотрѣть пьесу до конца? А?

Деларивъ. Взоры всѣхъ, полныя ожиданія, обращены къ ложѣ вашего величества.

Людовикъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, не для пьесы, не для злой Арманды, не для Мольера, а только, чтобъ не огорчить дебютантку — цити? Какъ вы думаете!..

Деларивъ. Какая нѣжность! Какое одушевленіе! Маделена, кажется, загнѣтъ Арманду въ своей роли.

Людовикъ. Ахъ, вѣдь я желаю счастья всему свѣту, хотя бы въ ущербъ себѣ! Маделена — должно-быть замѣчательный талантъ! Я готовъ покровительствовать художествамъ... Господа, пойдите! Я хочу досмотрѣть пьесу до конца! (*Уходитъ въ ложу. Всѣ слѣдуютъ за нимъ; занавѣсъ опускается*).

V.

ЛАМУАНЬОНЪ, послѣ МОЛЬЕРЪ, потомъ АРМАНДА, МАДЕЛЕНА и МАТЬЕ, наконецъ ЛЮДОВИКЪ и прежніе.

Ламуаньонъ (*одинъ*). Все пропало! Все погибло! Я осужденъ, по неволѣ, жить въ потомствѣ и быть посмѣшищемъ позднѣйшихъ поколѣній!.. Бѣжать ли мнѣ?.. остаться ли? смотрѣть ли на самагаго себя?..

Мольеръ. (*Быстро входитъ въ костюмъ Тартюфа*).

Ламуаньонъ (*видитъ себя въ Мольеръ*). Га! кто ты человекъ? чего ты отъ меня хочешь?.. прочь, прпрвдѣніе! оставь меня!..

Мольеръ. Узнаешь ли ты меня? чувствуешь ли, кто я? со-вѣсть твоя — вотъ кто я? я хотѣлъ показать свѣту тебя и тѣнь твоей несчастной жертвы! Смотри: тамъ внизу стоитъ Дюплексн, подъ именемъ Оргонта, Эльмира, жена его, которую ты склонилъ къ постыднѣйшей невѣрности; женскіе голоса, долетающіе до твоего слуха, — голоса дѣтей Адели, которыя брошены тобой во мракъ жизни и должны встрѣтиться сестрамъ и узнать другъ друга, тогда-какъ злодѣянія твои выставлены будутъ на Божій свѣтъ! Смот-

ри, такъ, какъ и здѣсь стою, — твоя тѣнь, твой образъ, — такъ я выступаю теперь передъ толпу и восторгъ встрѣтить — не Мольера, не Тартюфа, но — президента Ламуаньона!

МАТЬЕ. *(Ведетъ подѣ руки Маделену и Арманду. Арманду несетъ въ рукѣ блокурый парикъ и какое-то платье, которое послѣ нужно Мольеру).*

МАТЬЕ. Слава Богу, Мольеръ! я пришелъ еще во время! это стоило мнѣ 3000 ливровъ поручительства!

МАДЕЛЕНА. Такъ мы вамъ обязаны запрещеніемъ, краденными суфлерскими книгами, Бастиліей, уроками мимики?.. Гадкій человекъ! Если бъ вы не подарили мнѣ сестры *(обнимаетъ Арманду)*...

МОЛЬЕРЪ. Вотъ обѣ наследницы богатства, похищеннаго тобою у жертвы твоего лицемерія и коварства! Общаешь ли ты возвратить Маделенѣ 30,000 ливровъ?

ЛАМУАНЬОНЪ. 30,000?.. какая мнѣ теперь будетъ отъ этого польза?..

МОЛЬЕРЪ. Потомъ, общаешь ли ты мнѣ — долю Арманды, отъ которой она отказывается, потому-что я, благодаря музамъ, могу прочитать ее; общаешь ли ты назначить эти 30 т. ливровъ для того, чтобъ увѣковѣчить во Франціи талантъ — изобличать пороки, — употребить ихъ на учрежденіе театральной академіи?..

ЛАМУАНЬОНЪ. Какое посрамленіе!

МОЛЬЕРЪ. Въ такомъ случаѣ смотри, что я сдѣлаю: изъ благодарности къ тебѣ за идею, которую ты, невольно, далъ мнѣ для пьесы, я не хочу, чтобъ сказали: смотрите, вотъ президентъ Ламуаньонъ! Пусть Мольеръ докажетъ, что его сердце благороднѣе твоего! Вотъ платокъ, котораго ты не носишь; вотъ голова, не похожая на твою! *(Быстро надѣваетъ блокурый парикъ и повязываетъ около пояса кушакомъ голубой платокъ).*

ЛАМУАНЬОНЪ. Какъ?.. Что?... меня не узнаютъ?..

МОЛЬЕРЪ. Дѣла твои узнаютъ! но особу твою хочу я пощадить *(Слышенъ извнѣ громкій аплодисментъ)*. Слышишь ли, какъ ужъ они тебя ждуть? поклянись исполнить мое требованіе — и я выйду такъ, какъ теперь здѣсь стою!

ЛАМУАНЬОНЪ. Клянусь свѣтомъ истины...

МОЛЬЕРЪ, АРМАНДА и МАДЕЛЕНА.

Браво, Тартюфъ!

Людовикъ. (который уже прежде смотрѣлъ чрезъ отдернутый занавѣсъ, выходитъ съ прочими). Нѣтъ, Нѣтъ! не кланитесь такъ, Ламуаньонъ! Кланитесь врагомъ жи! Что я долженъ былъ слышать? Мольеръ, вы оказали великодушiе такому чело-вѣку, который никогда его не заслуживалъ!

Ламуаньонъ (всторону). Ахъ! Это послѣднiй день моей жизни!

Людовикъ. Я все слышалъ, что здѣсь было сказано и чего не понималъ — объясняютъ эти господа! Ламуаньонъ! такъ *это* смиреники, желающiе управлять всеми своимъ моральнымъ влiянiемъ? Вы, подлинникъ Тартюфа, никогда не ищите быть приближеннымъ государя, который удаляетъ лицемѣровъ навсегда отъ участiя въ общественныхъ дѣлахъ! Дальнѣйшая ваша служба мнѣ не нужна.

Ламуаньонъ. Государь, умилосердитесь.

Людовикъ. Никогда! сiю-же минуту сложите ваше достоинство. (къ прочимъ). Такъ двѣ сестры (подходитъ къ *Маделенѣ* и внимательно ее *рассматриваетъ*). Прекрасная *Маделена*! Желаю вамъ быть такою же великою артисткою, какъ *Арманда*, только артисткою — на сценѣ а не... (съ *упрекающимъ* видомъ, обращаясь къ *Армандѣ*) за кулисами!

Арманда (умоляющимъ голосомъ). Государь!..

Людовикъ. Хорошо! хорошо! я беру *Маделену* подъ свое покровительство. А вы, *Мольеръ*... Господа, я поставляю себѣ въ удовольствiе именно теперь, изъ главной ложи, показать Францiи, что я, въ лицѣ *Мольера*, уважаю искусство изоблченiя его враговъ, свободу благородныхъ мыслей и совѣсти. За мной (уходитъ направо отъ зрителей).

Шапель. Въ большую главную ложу! (Поспѣшно уходитъ).

(*Лионнъ, Дюбуа, Лефевръ и Деларивъ* идутъ за *королемъ*).

Матье. Ахъ, г. бывшiй президентъ! Я теперь пойду въ раекъ и отпущу вамъ *Бастилю* — хлопаньемъ во всехъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ намѣкается на васъ!

Мольеръ. Помните условiя!.. или завтра, при первомъ по-

втореніи Тартюфа, представлю я волка въ его настоящей шкурѣ.
Друзья мои, сестры мои, къ рампамъ!

МАТЬЕ. А я въ раскъ! *(Всѣ четверо уходятъ влѣвѣсть въ одну сторону).*

ЛАМУАНИОНЪ *(одинъ)*. Идите, идите себя! На сценѣ я нѣсколько выигралъ, а для жизни все пропало! Да постоитъ, подождетъ еще! Насъ можно прогнать, какъ волковъ, а мы опять вотремся лисицами! Мстите, мстите! Я тоже отомщу! Завтра же ѣду въ Римъ и, для вашей общей гибели, вступаю въ Орденъ Іезуитовъ. *(Уходитъ).*

Занавѣсъ опускается.

8027. 7080

